

Один момент, одно утро

Автор:

[Сара Райнер](#)

Один момент, одно утро

Сара Райнер

Семь утра, поезд из Брайтона в Лондон. Все как обычно, люди украдкой наблюдают друг за другом, впереди очередной рабочий день. Но в одно мгновение что-то меняется... И судьба Анны, Лоу и Карен никогда уже не будет прежней. Один момент, одно необыкновенное утро в поезде... Кто бы мог подумать, что история, случившаяся тогда, станет для них отправной точкой новой жизни, о которой они и не могли мечтать?

Сара Райнер

Один момент, одно утро

Sarah Rayner

one moment, one morning

Copyright © Sarah Rayner, 2010

Фотография на переплете © Madelyn Mulvaney / Gettyimages.ru

Фото автора © John Knight

© Кононов М., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Понедельник

7 ч. 58 мин

Лу притворяется спящей, но краем глаза подсматривает, как женщина напротив наносит макияж. Ее всегда это завораживает – смотреть, как другие женщины «делают» себе лицо в поезде. Сама Лу никогда не красится – разве что в редких или особых случаях, – и хотя понимает, что так можно сэкономить время, ей кажется нелепым выносить этот процесс на публику, в общественный транспорт, а не прихорашиваться в уединении. Когда маскируешь дефекты кожи, делаешь ресницы пушистее, глаза больше, а щеки румянее в окружении людей, это уничтожает таинство. А в семь сорок четыре, когда поезд отправляется в Виган[1 - Железнодорожный вокзал в Лондоне. (Прим. ред.)], людей вокруг полно; по большей части они спят или, по крайней мере, дремлют, некоторые читают, а кто-то, их меньшинство, разговаривает.

Женщина на соседнем сиденье, через проход от Лу, одна из таких. У Лу тихонько играет ай-под, и она не слышит, что женщина говорит, но по наклону головы ясно, что женщина разговаривает с мужчиной справа от себя. Лу пододвигается и чуть сдвигает капюшон своей парки, мокрый от дождя – ведь пришлось ехать до станции на велосипеде под морозящим дождем. Ей хочется получше разглядеть эту пару. Это муж и жена. На их пальцах обручальные кольца, в руках – бумажные стаканчики с кофе. Женщине, наверное, лет сорок. Лу не видит ее полностью, но, кажется, у нее тип лица из тех, что Лу нравятся. Интересный, привлекательный профиль, хотя и с легким намеком на второй подбородок, а каштановые волосы ниспадают плотным занавесом. Насколько Лу может рассмотреть ее мужа, он выглядит не так хорошо – тяжеловесного сложения, сидящий, – и Лу решает, что он лет на десять, а то и больше старше жены, но лицо у него доброе. В выражении лица видна мягкость, а глубокие

морщины вокруг рта говорят, что он любит посмеяться. Женщина нежно прислонилась к его плечу. Перед ним толстая книга в бумажном переплете, последний бестселлер, но он не читает – он гладит жену по руке, тихо, ласково. Лу даже ощутила зависть. Она завидует их нежности и тому, как они, не задумываясь, проявляют ее.

Поезд останавливается в Берджесс-Хилле. За окном льет, и усталые пассажиры, заходя в вагон, отряхивают и складывают зонтики. Их поторапливает короткий свисток, и когда раздвижные двери закрываются, Лу снова переводит взгляд на женщину напротив. Она закончила наводить тени, придав глазам больше выразительности – теперь все ее лицо как будто приобрело отчетливость, резкость. Только губы остались бледными, словно лишенными жизни. Лу кажется, что без макияжа она выглядела не хуже – как-то милее, беззащитнее. Впрочем, как ни посмотри, она хорошенькая. А ее волосы, копна светлых спиралевидных завитков, – в них столько энергии, они такие упругие, так отличаются от ее, Лу, волос – коротких, торчащих, мышиного цвета. А вот до волос этой женщины хочется дотронуться.

Лу наблюдает, как молодая женщина переключает внимание на свои губы. И вдруг замирает – «лук купидона» лишь наполовину зарозовел, как у недоделанной фарфоровой куклы. Следуя за ее взглядом, Лу смотрит на супружескую пару – мужчину внезапно стошнило, и причем самым неловким образом. По всему его пиджаку, рубашке, галстуку течет пузырящаяся молочная слизь с кусочками полупереваренного круассана, как у маленького ребенка.

Лу украдкой вынимает наушник.

– О господи! – говорит женщина, лихорадочно вытирая блевотину слишком маленькой салфеткой, которую дают вместе с кофе.

Но безуспешно: с детским булькающим звуком мужчину снова рвет. На этот раз на запястье жены. Рвота забрызгивает ее шифоновую блузку и – о ужас! – занавес ее волос.

– Не знаю... – говорит он, разевая рот, и Лу видит, что он вспотел, обильно, отвратительно, как-то совсем ненормально. – Прости...

Лу кажется, что она знает, в чем дело – теперь мужчина схватился за грудь и сидит, выпрямившись, как будто аршин проглотил, и вдруг – бух! – он со стуком падает лицом на столик. И замирает. Совершенно замирает. Несколько секунд – или так кажется – никто ничего не делает. Лу просто смотрит на его разлитый кофе, как бежевая струйка бежит вдоль края окна, по боковой стороне кремового пластикового столика и – кап-кап-кап – на пол. За окном по-прежнему проносятся мокрые деревья и поля.

А потом поднимается шум.

– Саймон! Саймон! – вскакивая, кричит его жена.

Саймон не реагирует.

Супруга трясет его, и Лу мельком замечает его лицо с открытым ртом и измазанной блевотиной щекой, прежде чем он откидывается назад, мотая головой. И тут она понимает, что видела его раньше в этом поезде.

– Боже! – говорит недовольный пассажир напротив, помахивая своей газетой. – Что с ним за чертовщина? Напился, что ли? – Он фыркает с явным осуждением.

Его неодобрение словно гальванизирует Лу.

– Черт! У него сердечный приступ! – Она вскакивает, торопливо вспоминая стародавние курсы по оказанию первой помощи, детские лагеря и эпизоды из сериала «Скорая помощь»[2 - «Скорая помощь» – американский телесериал, первая серия которого была показана в 1994 г. В главных ролях – Энтони Эдвардс, Джордж Клуни, Шерри Стрингфилд и др. (Прим. ред.)]. – Кто-нибудь, позовите кондуктора!

Другой мужчина, молодой, неряшливый, с козлиной бородкой, сидевший рядом с женщиной, наносившей макияж, бросает свой пластиковый пакет и встает.

– Где проводник? – спрашивает он у Лу, как будто та все знает.

– В середине состава! – кричит жена.

Молодой человек в растерянности озирается.

– Туда, – говорит Лу, указывая в сторону головного вагона, и он убегает.

* * *

В третьем вагоне Анна с удовольствием читает свой любимый глянцевого журнал. Целые две остановки она была поглощена главной статьей номера о поп-принцессе, находящейся на излечении от алкогольной зависимости, а теперь дошла до раздела «Разыскиваются», где высмотрела пиджачок, который бы очень ей подошел, из сетевого магазина, новое поступление к весне, по вполне разумной цене. Она только загнула страницу, чтобы не забыть еще раз посмотреть вещичку, и в этот момент ее локоть задевает молодой человек с козлиной бородкой: он несется куда-то вперед.

– Большое спасибо, – саркастически бормочет она. Ох уж эти брайтонские хиппи!

Через несколько секунд он торопливо возвращается, за ним по пятам следует кондуктор. Она переосмысливает ситуацию – оба выглядят встревоженными.

Похоже, что-то стряслось.

Потом из репродуктора слышится голос машиниста:

– Есть среди пассажиров доктор или медсестра? Если есть, пожалуйста, подойдите к кондуктору в пятом вагоне.

«Откуда пассажирам знать, где этот пятый вагон?» – думает Анна.

Но люди, очевидно, знают – не проходит и десяти секунд, как мимо нее почти бегом промчались две женщины с сумками в руках. Анна удивленно поднимает брови, глядя на пассажиров напротив. Такой испуг – редкость на этом утреннем поезде, где существует негласное правило не шуметь и вести себя деликатно. И это немного тревожит.

Вскоре поезд подъезжает к Уивелсфилду. «Почему мы здесь остановились? – беспокоится Анна. – Обычно мы проезжаем мимо, не снижая скорости».

Она надеется, что это просто сигнал семафора, но подозревает, что случилось что-нибудь более зловещее. Через пять минут ее беспокойство возрастает, и в этом она не одинока: все люди рядом нетерпеливо ожидают отправления, беспокойно ерзая на сиденьях. Анне нужно, чтобы поезд прибыл вовремя, иначе она опоздает на работу. Она работает внештатно, и хотя у нее долгосрочный контракт, работодатели очень педантичны в отношении учета времени. У них просто железная дисциплина, и все знают, что начальник с сердитым видом стоит у входа, поджидая опоздавших.

Слышится, как кто-то подул в микрофон, а затем следует еще одно объявление:

– Мне очень жаль, но один из пассажиров серьезно заболел. Мы стоим еще несколько минут в ожидании «скорой помощи».

Сердце у нее упало, и она подумала: почему же заболевшего не вынесли из поезда, чтобы дожидаться «Скорой помощи» на перроне? Но тут же бранит себя за бессердечие: один взгляд на хлещущий за окном дождь дает ответ. Сейчас февраль, холодно.

Происшествие отвлекло ее от чтения, и она смотрит в окно: дождь колотит по серой платформе, и там, где поверхность неровная, собирается в лужи. «Уивелсфилд, – думает Анна, – где это, черт возьми?» Она никогда не бывала в этом месте, только проезжала мимо на поезде.

Десять минут превратились в пятнадцать, потом в двадцать; новых сообщений не поступало. Пассажиры уже набирают на своих мобильных телефонах сообщения или звонят куда-то; большинство говорит очень тихо. Некоторые, менее сочувственные, громко выражают свое бессердечное негодование:

– Не пойму, в чем дело. Ну, кому-то стало плохо – наверное, чертову наркоману...

Но другие, похоже, рады возможности показать собственную значительность:

– Мне очень жаль, Джейн, я здесь застрял, опоздаю на совещание. Пусть перенесут, хорошо, пока я не приеду? – и тому подобное.

Потом, наконец, Анна видит, как мимо окна спешат три фигуры в ярких куртках и с носилками. Слава богу, теперь уже недолго.

Она не отрывает глаз от платформы, ожидая, что вот-вот обратно торопливо понесут носилки с притянутым ремнями телом, но видит только лишь унылую бетонную стену, а дождь все льет, заполняя водой канавки на желтом предупреждении: «Осторожно, край платформы!»[3 - Чтобы понять, о каких канавках идет речь, можно посмотреть иллюстрацию такого предупреждения на английской станции здесь:

<http://www.georgefwhite.co.uk/phpmedia/news/lrg/ba3dbd66ba183de599109658ffa8f528.jpg>

(Здесь и далее, за исключением специально оговоренных случаев, примечания переводчика.)]

Наконец, слышится стук, какой-то шум, и новое объявление:

– Леди и джентльмены, я снова прошу прощения: похоже, мы останемся здесь на неопределенное время. Мы не в состоянии вынести пассажира. Если можно, прошу набраться терпения. Как только будут какие-то известия, мы вам сразу сообщим.

Раздается коллективный вздох, все шевелятся.

«Какая досада!» – думает Анна, прежде чем успевает подавить эту мысль, и на смену приходит не такая бессердечная: «Как странно!» Она определенно не купилась на предположение о наркомане – боже правый, брайтонские наркоманы не ездят на утренних поездах. Несомненно, кому-то в самом деле стало плохо. И все же ее беспокоит ситуация на работе, у нее сегодня полно дел. Ее мысли – смесь собственных интересов и альтруизма – похоже, совпадают с настроением сидящих напротив пассажиров – на их лицах явно читаются недовольство, раздражение и озабоченность.

– Почему они не могут ехать? – наконец, говорит мужчина напротив, нарушив табу не разговаривать в поезде с незнакомыми.

Он высокий, в очках, с бритой головой и безукоризненно накрахмаленным воротничком – как с картинки Нормана Роквелла[4 - Норман Роквелл (англ. Norman Rockwell) – американский художник, известный изображениями американского быта.].

– Может быть, кто-то получил травму позвоночника, – говорит пассажирка рядом с ним, полная пожилая женщина. То, как она слегка отодвигается от него, произнося эти слова, говорит о том, что ей хочется дистанцироваться от этого бессердечного типа. – Их шею нельзя трогать.

Мужчина кивает:

– Может быть, так оно и есть.

Анна не совсем уверена в этом.

– Однако несколько странно: как можно в поезде получить травму позвоночника?

– Может быть, кто-то умер.

Обернувшись, Анна видит рядом молодую девушку: прямые черные волосы, пирсинг на лице. Готка.

– О, ради бога, нет! – озабоченно восклицает пожилая женщина. – Конечно, никто не умер?!

– Все может быть, – соглашается «Норман Рокуелл». – Может, именно поэтому мы и торчим здесь. Им нужно вызвать полицию.

– Засвидетельствовать смерть, – говорит готка.

И вдруг глянцевого журнал уже не кажется Анне по-прежнему интересным. Обычно, когда она читает его, то получает еженедельную дозу развлечения, моды, стиля и сплетен; она знает, что журнал несерьезный и довольно пустой, но считает, что в этом нет ничего страшного, ведь он все-таки затрагивает и более широкие темы. И тут, как будто подтверждая ее мысли, она видит именно

такую статью: фотография молодой афганской женщины с обезображенным ожогами телом.

Анна вздрагивает от ужаса.

* * *

Лу видит, как пассажиры наклоняют головы, когда двое санитаров поднимают носилки над сиденьями, и это ей кажется чуть ли не смешным. Носилки неудобные, даже с удаленными колесиками и поперечиной они больше, чем любой чемодан, и все происходящее кажется нереальным, как в кино, или, точнее, это напоминает эпизод из телевизионного сериала. Только телевизор можно выключить, а тут приходится смотреть – как можно не смотреть, когда все происходит в нескольких дюймах от тебя?

Последние десять минут две молодые женщины – очевидно, медсестры, ехавшие на работу в Хейвардс-Хитскую больницу, – пытались привести мужчину в сознание, все больше теряя надежду на успех. Они проверили, дышит ли он, пощупали пульс на шее, а потом с помощью кондуктора положили его на пол, в горизонтальное положение. Все это происходило прямо у ног Лу, она не успела отойти в сторону и потому, стиснутая, оказалась вынуждена смотреть на разворачивающийся перед ней кошмар. Медсестры работали поочередно – одна нажимала, нажимала, нажимала ладонями ему на грудь такими размеренными и напористыми движениями, что они казались яростными, а другая вдвухала воздух ему в рот через каждые три десятка нажатий. Когда та женщина, которая нажимала на грудь, уставала, они менялись местами.

Все это время его жена беспомощно стояла в проходе. Она не произносила ни звука, переключая внимание с одной медсестры на другую, а потом снова на мужа. Лицо ее исказила тревога.

Потом прибыли санитары, и медсестра, которая дышала мужчине в рот, отстранилась. Взглянув на них, она покачала головой – коротким, но многозначительным жестом. Ничего хорошего.

Санитары сумели занести носилки сбоку, положили на них больного и быстро унесли на более просторное место у дверей вагона. Несколько стоявших там

пассажиров посторонились. Лу увидела кислород, дефибриллятор, лекарства – инъекция, потом крик «Отойдите!», и санитары ударили его током.

Никакого результата.

Еще раз.

Никакого результата.

Еще раз.

Опять никакого результата.

Все в вагоне замерли. Это была не просто нездоровая зачарованность, а неспособность понять, что происходит. Все испытали настоящий шок. Что теперь делать? Но кондуктор неправильно понял, что означают отвисшие челюсти и вытаращенные глаза пассажиров, и – то ли из сочувствия к мужчине и его жене, то ли из желания взять ситуацию под контроль, не важно, – пролаял достаточно громко, чтобы все услышали:

– Будьте любезны, все немедленно покиньте вагон!

Лу собрала свои вещи – мобильник, ай-под, рюкзачок, она была благодарна, что ей предоставили возможность уйти. На столике осталась книжка мужчины – пожалуй, она ему уже не понадобится. Лу застегнула молнию на куртке, подняла капюшон и направилась через двери на улицу, под дождь.

Из репродуктора последовало новое объявление, на этот раз требование, чтобы все пассажиры покинули поезд, и совсем скоро Лу окружили люди, озадаченные и смущенные выходом на незнакомой станции.

* * *

Анне пришлось потолкаться, чтобы суметь раскрыть зонт. На платформе было тесно, но, черт бы ее побрал, если она намочит волосы или случится что-нибудь еще – она терпеть не может, когда хоть слегка растрепана, а так и будет, если

не быть осторожной. Сегодня это было бы особенно досадно, поскольку она специально встала рано, когда на улице была еще кромешная тьма, чтобы вымыть голову и высушить волосы феном. Сегодня на работе совещание, нужно выглядеть отлично. Слава богу, Анна достаточно высокого роста, а ее зонт открывается автоматически, одним нажатием кнопки – бац! Она поднимает его над толпой, и – ура! – ее волосы в порядке.

Рядом с ней полная пожилая женщина, а чуть впереди «Норман Роквелл».

– Ну, и какого черта нам теперь делать? – спрашивает он.

– Подадут автобусы, – говорит пожилая женщина.

Анна не знает, откуда женщина это взяла – такое случается не каждый день, – но верит ей на слово.

– Но откуда им взять столько автобусов, чтобы все поместились?

Ее мысли едва успевают за событиями.

– Наверное, придется пригнать из Брайтона, – говорит «Норман».

– Черт побери! – вмешивается четвертый голос – это девушка-готка, стиснутая толпой за спиной у Анны. – На это уйдет несколько часов. Я сдаюсь. Еду домой.

«А я не могу», – думает Анна. Если бы могла! Но ее клиенты специально приехали на презентацию; кроме того, если она не доберется до офиса, ей просто не заплатят, а она главный добытчик в доме.

Независимо от того, кто будет ждать автобусов, а кто поедет обратно в Брайтон, всем придется прилично потолкаться. Выход и противоположная платформа находятся за пределами навеса, в дальнем конце станции, где видны обшарпанные стены и ободранные рекламные плакаты. Нужно спуститься на несколько ступеней по лестнице.

Толкотня плеч и локтей – некоторые упорно говорят по телефону или набирают сообщения, что только замедляет движение, и потому кажется, что проходит

целый век, прежде чем они спускаются по лестнице мимо билетной кассы и выходят на улицу.

Здесь Анна задерживается, чтобы осмотреться и оценить ситуацию. Зрелище нелепое – несколько сотен человек на таком небольшом пространстве. Местечко крохотное – здесь даже нет настоящего здания станции, а лишь небольшая билетная касса на лестнице. Хотя, наверное, по всей стране сотни таких станций, они вряд ли проектировались для массового исхода всех пассажиров поезда из десяти битком набитых вагонов. Здесь даже нет настоящей автомобильной стоянки. И Анна не видит никакой автобусной остановки, не говоря о самих автобусах.

Вляпалась.

Но в этот самый момент, разбрызгивая колесами лужи, к ней подъезжает белый «форд мондео». Такси. На короткое мгновение Анна тушует и думает: «Поди ж ты, кто-то вызвал машину, как здорово всё организовали», но вскоре понимает, что, скорее всего, никто ничего не организовывал, а просто это железнодорожная станция, хотя и маленькая, так что здесь вполне могло оказаться такси. На крыше машины горит табличка – такси свободно. Толпа бросается вперед – все хотят занять место в автомобиле. Но задняя дверь прямо рядом с ней. Анна открывает ее, заглядывает и спрашивает водителя:

– Вы свободны?

Одновременно открывается противоположная дверь, и Анна видит отороченный мехом капюшон и встревоженное лицо.

– В Хейвардс-Хит? – спрашивает другая женщина.

– Рада поделиться, – предлагает Анна.

– Как угодно, – согласно хмыкает водитель. Ему все равно. Тариф есть тариф.

Не дав ему времени передумать, обе женщины садятся в машину.

8 ч. 30 мин

Анна шумно выдыхает:

– Уф!

По крыше машины барабанит дождь, словно говоря: как же вам повезло!

– Настоящая удача, – говорит женщина в парке, откидывая капюшон и ловким движением стряхивая с плеч рюкзачок.

Она небольшого роста и гибкая и, похоже, опытна в подобном упражнении.

– Бедный дядька, – говорит она, откидываясь на спинку.

– Что с ним? – спрашивает Анна.

– Сердечный приступ, – отвечает женщина в парке.

– Он умер, как вы думаете?

– Боюсь, что да.

– О боже!

– Знаю, ужасно. Он с женой ехал.

– Откуда вы знаете?

– Я сидела рядом с ними. С другой стороны прохода.

– Черт возьми! Наверное, ужасно это видеть.

– Да, – кивает женщина в парке.

«А я там жаловалась на задержку, – упрекает себя Анна. – Готка была явно права. Разве так важно, что я немного опоздаю на работу?» Она озвучивает свои мысли:

– Вы бы предпочли умереть не совсем так, верно? Лучше умереть, запуская змея со своими внуками, или на каком-нибудь торжестве, или что-нибудь такое. Не в утреннем поезде.

– Эй, леди, – перебивает ее водитель, не давая продолжить. Он слушает потрескивающий искаженный голос по радио. – Ехать в Хейвардс-Хит нет смысла. Очевидно, все поезда стоят. Всё встало.

– Но ведь этого не может быть? – озабоченно спрашивает Анна.

– О, вполне может, поверьте мне, – говорит водитель. – Вы представьте себе, что творится на Брайтонской линии – единственная колея в оба направления от Хейвардс-Хита до побережья. Достаточно одного поезда, чтобы движение полностью парализовалось.

Женщины переглядываются.

Водитель явно ловчит.

– Так куда вас довезти?

– Домой? – предлагает женщина в парке.

– Это где? – спрашивает другая.

– В Брайтоне, – говорит та, что в парке, и уточняет: – В Кемптауне.

У Анны в голове жужжат мысли. Парка, мальчишечье лицо, коротко подстриженные, намазанные гелем волосы, никакой косметики, джинсы, рюкзак, адрес в Кемптауне. Это лесбиянка. Кемптаун недалеко от Аниного дома – это так заманчиво, но...

– Я не могу, – объясняет она. – Мне нужно в Лондон.

– Пожалуй, я тоже туда поеду, – соглашается женщина в парке. – Просто было бы неплохо в кои-то веки найти повод туда не ехать.

– У меня встреча, – говорит Анна.

– Во сколько?

– В десять.

Анна смотрит на часы. Сейчас тридцать пять минут девятого.

– Как назло, не правда ли? Обычно поезд, который отходит в семь сорок четыре, прекрасно довозит меня до работы.

– Но ведь на работе поймут? – говорит женщина в парке. – Просто в поезде кто-то умер. – Она смеется, но это не кажется бездушным – просто комментарий к нелепой ситуации. Потом замолкает и, подумав, спрашивает: – Разве нельзя просто позвонить и объяснить, что опоздаете?

Анна представляет себе бульдожью стойку начальника у входа, и это не придает ей уверенности.

– Леди, – снова вмешивается водитель. Они подъезжают к светофору на перекрестке. – Решайте. Куда едем?

Анна ловит в зеркале его взгляд. Она уверена, что он ухмыляется: ему нравится сложившаяся ситуация.

– Мне действительно нужно в Лондон, – повторяет она.

Ей не хочется подставлять коллег. Не хочется, чтобы кому-то пришлось проводить презентацию вместо нее. К тому же в уведомлении об увольнении нет ничего смешного. Она наклоняется вперед, к уху водителя:

– Сколько стоит туда доехать?

– Смотря куда именно.

Она задумывается: куда будет удобно и ей, и, хорошо бы, другой женщине, и чтобы при этом они не застряли в пробке в час пик?

– На Клэпхэм-Джанкшн?

– А где у вас встреча? – спрашивает женщина в парке.

– На Чейн-Уок, у Кингс-роуд – туда идет много автобусов.

– Меня вполне устроит, – соглашается женщина в парке. – От Клэпхэма я доеду на поезде до Виктории.

– Семьдесят фунтов, – говорит водитель.

Они останавливаются у светофора.

Анна быстро подсчитывает. Цена несусветная для расстояния миль в шестьдесят. Но по ее дневному заработку оно стоит того – она потеряет куда больше, если не появится на презентации. Анна смотрит на женщину в парке. Та, похоже, колеблется – Анна понимает, что не все зарабатывают такие деньги, как она.

– Я могу заплатить пятьдесят, – предлагает она. – Мне действительно очень нужно попасть на работу.

– О, но это несправедливо.

– Мне заплатят за этот день, – объясняет она. – Так что меня устроит, честно.

– Вы уверены?

– Да.

– М-м-м...

– В самом деле, устроит. Иначе, если вы не поедете, я оплачу поездку полностью.

– Тогда ладно. Спасибо, – признательно улыбается женщина в парке.

– Прекрасно! – Анна снова наклоняется к водителю: – Поехали.

И он включает сигнал поворота, сворачивает налево и направляется на автостраду.

* * *

– Давайте познакомимся. Меня зовут Лу. – Она поворачивается к попутчице и протягивает руку.

Женщину не назовешь хорошенькой в общепринятом смысле, и тем не менее она необыкновенна. Ей, наверное, слегка за сорок – а Лу лет на десять моложе, – у нее волевое угловатое лицо и темные, как у Клеопатры, совершенно прямые волосы. В глаза бросается ее макияж: кроваво-красные губы, темные тени на веках, беззастенчиво подчеркивающие карие глаза. Это говорит о самоуверенности и прекрасно сочетается с ее ростом и длинными конечностями. Она стройна и хорошо одета, в изящной темно-синей полушине, и ее большая сумка из змеиной кожи с виду недешева. Общее впечатление – женщина умная, но немного пугающая.

– Меня зовут Анна, – отвечает Анна.

Рука у нее холодная и костлявая, пожатие твердое и уверенное. Но Лу уже заметила, что она великодушна и умеет сочувствовать; ясно, она не так сурова.

– Вы куда едете? – спрашивает Лу.

– Я работаю в Челси. У меня встреча в офисе. А вы?

– Я добираюсь до Хаммерсмита. – Следует пауза. – Я работаю с молодежью, – добавляет Лу.

– А, – кивает Анна.

Хотя Лу любит свою работу, она прекрасно понимает, что эта профессия не особенно престижна и не очень хорошо оплачивается. Пока она не очень хорошо представляет, чем занимается эта женщина, работающая неподалеку от Кингс-роуд, но, наверное, это птица гораздо более высокого полета, и Лу в некотором роде хочется ее одобрения. Но у нее нет возможности подробно объяснить, почему она занимается тем, чем занимается, потому что Анна всем телом поворачивается к ней и настойчиво просит:

– Так расскажите, что случилось в поезде?

Лу рассказывает все, что может припомнить.

– Просто не было времени, чтобы кто-то его смог реанимировать, – заканчивает она. – Хотя медсестры появились почти сразу же, и они пытались сделать все возможное... Видит Бог, пытались. – Она пожевывается, вспоминая случившееся. – Но все произошло так быстро. Только что он пил свой кофе, а через минуту – или так показалось – уже умер.

– Бедная его жена! – в ужасе произносит Анна. – Только представьте – поехать на работу с мужем, думая, что это обычный день, и вдруг он падает и умирает. Прямо перед тобой. О, мне действительно ее жаль.

* * *

– Так, значит, вы тоже живете в Брайтоне? – спрашивает Лу, когда они уже мчатся по автостраде.

Водитель нажимает на педаль, и вскоре они уже летят со скоростью семьдесят миль в час. У бровки мелькают только начинающие расцветать желтыми цветами кусты утесника.

– Да.

– Где именно?

– В Севен-Дайалсе. Знаете?

– Конечно, – обижается Лу. – Я живу в Брайтоне почти десять лет.

– Ну да. – Тогда можно сказать поточнее. – На Чарминстер-стрит.

Лицо Лу остается бесстрастным.

– Между Олд-Шорхэм-роуд и Дайк-роуд.

– Ах да! – восклицает Лу. – Там милые маленькие викторианские домики, и в конце улицы квартал офисов.

– Да. Грязновато, но мне нравится.

– Вы живете одна?

Лу как будто искренне заинтересована, и Анна замечает, что она смотрит на ее палец – вероятно, ищет обручальное кольцо. «Как забавно, – думает Анна, – мы обе ищем сигналов, оцениваем друг друга». Тем не менее она не хочет продолжать разговор. Это не та тема, в которую она хочет углубляться.

– М-м-м, нет... Я живу со своим другом.

Лу улавливает ее настроение и меняет тему:

– Так вы всегда работаете в Лондоне?

– По большей части, да. А вы?

– Четыре дня в неделю. Мне бы не хотелось ездить туда все пять дней.

– Да, это утомляет.

Анна неожиданно чувствует обиду: если бы Стив зарабатывал больше, ей бы не приходилось так много ездить. Но она молчит, только глубоко вздыхает, а потом более решительно произносит:

– Впрочем, мне нравится в Брайтоне. Так что оно того стоит. – Анна улыбается, с любовью думая о доме с террасой, на ремонт которого она потратила столько времени и сил, о его внутреннем садике и прекрасном виде на Даунс[5 - Даунс (Downs) – холмы в Юго-Восточной Англии.]. И еще неподалеку живет горстка близких друзей; совсем близко Лэйнс, где теснятся единственные в своем роде лавочки и такие же эклектичные люди, крутой, покрытый галькой берег, а за ним море... Из-за этого, пожалуй, более всего стоит терпеть утомительные поездки: серое, зеленое и синее, прибой, спокойствие моря и его зыбь, его способность постоянно меняться. Ах, это море...

Лу прерывает ее мысли:

– Мне тоже нравится жить в Брайтоне.

– А вы где живете в Кемптауне? – спрашивает Анна. – Очень надеюсь, вы не скажете, что там у вас целый дом у моря!

Конечно, она шутит: дома эпохи Регентства[6 - Английское Регентство, или просто Регентство, – наименование периода в истории Англии с 1811 по 1820 г. В течение этого времени принц-регент, в будущем король Георг IV, правил государством по причине недееспособности своего отца Георга III. (Прим. ред.)] у пляжа в Кемптауне просто огромные. И не только огромные, но и великолепные, с изящными оштукатуренными кремовыми фасадами, гигантскими окнами от пола до потолка, комнатами удивительных пропорций с мраморными каминами и вычурными лепными карнизами – о владении таким домом можно только мечтать.

Лу смеется:

– Нет. Я живу в маленькой квартирке в мансарде – на самом деле это студио.

Что-то в ее манере и в том, что она постоянно употребляет «я», а не «мы», говорит, что она живет одна. Анна уточняет:

– Значит, вы ни с кем ее не делите?

Лу снова смеется. У нее заразительный смех: глубокий, горловой, непринужденный.

– Боже, нет. Там вряд ли хватит места повесить кошку.

– И где это, если можно спросить?

– На Магдален-стрит.

– Ух ты! Значит, из окна видно море?

– Да, из эркера в комнате, за дальним концом дороги. Наверное, агенты по недвижимости называют это «дальний вид на море». И у меня есть крохотная терраса на крыше, откуда видно море и мол.

– Как мило.

Анна задумывается. Ей всегда хотелось иметь собственную мансарду. Мимолетно она представляет себе другую жизнь, где у нее не так много обязанностей, где не надо выплачивать ипотеку, нет Стива и она может заниматься собственным творчеством...

Но хватит об этом: ничего не изменишь. И все-таки ей хочется узнать о Лу побольше.

– Там вокруг, наверное, прекрасная ночная жизнь, – говорит она, в надежде подтолкнуть ее на откровения.

Лу живет в сердце брайтонского квартала геев, там десятки пабов и ночных клубов, где, как представляется Анне, происходят захватывающие вещи.

– Иногда даже чересчур прекрасная, – отвечает Лу. – Бывает шумновато.

«Разговор становится скучным», – думает Анна. Ей хотелось рассказов о разнузданном употреблении наркотиков и лесбийской любви втроем. Если ее собственное существование нынче строго ограничено, она могла бы, по крайней мере, пожить чувствами других. Но, опять же, если в жизни Лу и есть что-то интересное, она вряд ли станет этим делиться с незнакомкой в такси.

* * *

Через полчаса поездки Лу решает, что Анна вроде бы ничего, но по-прежнему не уверена, что у них есть что-то общее. Лу в целом хорошо разбирается в людях, годы работы консультантом-психологом отточили врожденную способность, поэтому она обычно оценивает людей правильно. Пожалуй, она не так проницательна, когда дело касается женщин, когда мешает их сексуальная привлекательность. Но она видела многих традиционно ориентированных женщин – и мужчин тоже, если на то пошло, – которые неправильно оценивали людей, когда похоть мутила их восприятие, так что она, по крайней мере, не одинока в этом.

Как бы то ни было, Анна явно традиционной ориентации и физически относится не к тому типу, который привлекает Лу. Тем не менее она ее заинтриговала. Ничего Лу так не любит, как копаться в чужой душе; это то же любопытство, которое захватывает ее, когда она наблюдает за незнакомыми людьми в поезде, представляя себе их жизни, складывая в единую картину все внешние признаки. И это тоже привлекает ее профессионально, она любит докапываться до дна и выяснять: что же создает сложный – хотя зачастую трагически саморазрушительный – мотив поведения молодых людей?

Несмотря на безупречный внешний вид Анны, что предполагает более материалистический склад ума, чем у самой Лу, Лу подозревает, что в ее попутчице может быть нечто большее, чем предполагает ее невозмутимая внешность. Во время пути она уловила некоторые слабые сигналы. Она не упоминала о детях, а большинство женщин непременно упомянули бы, учитывая разговоры, которые они вели о своих домах. Поэтому Лу подозревает, что у нее нет детей, что довольно необычно для женщин ее возраста. Но интереснее то, что Анна заколебалась, прежде чем упомянула своего партнера; Лу подозревает, что здесь кроется какая-то история. Она всегда замечает, когда кто-то что-то скрывает – не в последнюю очередь потому, что в определенных ситуациях сама поступает так же. И еще Анна чувствует нужды других, даже когда руководит

ими. В конце концов, они делают то, чего от них хочет Анна, и все же она предложила Лу заплатить за нее ее долю. Это намекает на острый ум и сложный характер, и любопытство Лу возрастает.

«Интересно, – размышляет она, когда они съехали с шоссе M23 и выехали на двухполосную дорогу в тусклом пригороде Коулдсона, – мы когда-нибудь еще увидимся потом?» Она часто по утрам ездит по собственным делам в Лондон, используя поездку, чтобы поразмышлять. И все же неплохо время от времени с кем-то поболтать, когда есть настроение. Может быть, если Анна так же часто, как она, ездит на поезде в семь сорок четыре, они увидятся в вагоне. Хотя это длинный поезд и всегда переполненный. Если ездить на нем в одно и то же время, это еще не значит, что их пути снова пересекутся.

9 ч. 45 мин

Карен стоит на автомобильной стоянке. Она сама точно не знает, как сюда попала и сколько уже тут находится. И только когда трясущимися руками пытается закурить, осознает, что идет дождь. Белая бумага сигареты покрывается капельками, которые расплываются и пропитывают ее. Карен смотрит на небо – по нему несутся серые тучи. Она запрокидывает голову, и лицо быстро покрывается водой. Она должна почувствовать на коже холодную влагу, но не чувствует. Карен открывает рот, чтобы проверить, может ли ощутить вкус, но, хотя рот наполняется дождинками, она не чувствует никакого вкуса. Она поеживается, но холода совсем не испытывает.

Карен пытается понять, где находится. Неожиданно видит большую вывеску:

КОРОЛЕВСКАЯ БОЛЬНИЦА ГРАФСТВА СУСSEX

Кажется, в этом есть какой-то смысл. И что теперь делать?

Саймон мертв.

Мертв.

Она повторяет это слово про себя и сама видела, как он умер прямо у нее на глазах, но это не реально.

Она наблюдала, как две медсестры пытались оживить его, а санитары пытались электрическим шоком запустить его сердце – они пытались снова и снова, и в карете «скорой помощи» тоже. И доктор подтвердил, что Саймон умер несколько минут назад, и записал время смерти, но это все же нереально, этого просто не может быть.

Ей позволили побыть с Саймоном в отделении экстренной помощи – там повсюду торчали трубки. Теперь его перенесли в морг – очевидно, в смотровой зал, где ей предложили, если хочет, еще какое-то время побыть с ним. Но ей прежде всего хотелось выкурить сигарету, и она оказалась здесь, в растерянности и ошеломлении.

– В ошеломлении.

Теперь она повторяет это слово вслух. У нее странные воспоминания. Разве не говорят, что ошеломление – первая стадия горя?

Наверное, ей нужно как-то позаботиться о детях. Который час? И где они? Ах да, конечно, сегодня они с няней, с Трейси. Ее номер, да, верно – он у нее в мобильнике.

О боже, идет дождь, всюю. Ей лучше укрыться от дождя, а то телефон намокнет.

Карен видит большой стеклянный навес у входа в больницу, всего в нескольких шагах. Там стоят люди и разговаривают. Она присоединяется к ним. Теперь она в укрытии и сознает, что промокла. Челка прилипла ко лбу крысиными хвостами, и холодные струйки стекают по затылку на шею; даже ее замшевые туфли промокли – какой ужас!

Карен достает из мешка телефон – из мешка с ручками, в котором носит документы, когда они есть, и в котором сегодня лежит мартовский выпуск

журнала «Ведение домашнего хозяйства», кошелек, губная помада и расческа, бутылка воды и сигареты. В ее мобильнике, базовой модели в потертом кожаном футляре, который дети облепили ужасными блестящими стикерами, в списке контактов есть номер Трейси. Наверняка существует способ найти его быстрее – быстрым набором или как-то еще, – но она не помнит, как это сделать. Поэтому перебирает составленный по алфавиту список и, наконец, дойдя до Трейси, хочет нажать зеленую кнопку вызова.

Боже, что она делает? Что она скажет? «Люк, Молли, папа умер. Приезжайте посмотреть на тело»? Ради бога, им пять и три. Они не поймут. Она сама не понимает.

Господи. Господи!

Нет, Карен нужно поговорить с подругой, с лучшей подругой. Она скажет, что делать: она всегда все знает. Этот номер она набирает автоматически, не думая. Все еще трясущимися руками Карен нажимает на кнопки с цифрами.

* * *

Неподалеку от Клэпхэм-Джанкшн такси застревает в пробке. Водитель мчался по автостраде M23, со впечатляющей быстротой пробрался через удручающие окраины Кройдона, Норбери и Стретэма, несмотря на десятки светофоров, но теперь им понадобится минут двадцать, чтобы спуститься с Сент-Джонского холма.

Анна начинает волноваться, и тут она чувствует на бедре вибрацию – звонит телефон. Вскоре он начинает звонить все громче в глубине ее сумки из змеиной кожи. Она роется в ней. Черт возьми – где же он? Наконец она нащупывает гладкий металл и вытаскивает аккуратный телефончик, напоминающий моллюска. Она торопливо раскрывает его, зная, что через несколько секунд он переключится на голосовую почту.

– Привет! – говорит она, с радостью увидев на экране имя.

– Анна? – спрашивает голос, тихий, горестный.

– Да, это я. А это ты?

Голос на другом конце ломается:

– Да.

Он звучит так, словно его обладательница хочет сказать что-то важное.

– Эй, эй, – говорит Анна более спокойно и отчетливо, прямо в микрофон, чтобы ее было лучше слышно. – Что случилось?

– Тут... понимаешь... Саймон.

Голос – такой ей знакомый – звучит странно тихо.

– Что с ним? – не понимает Анна.

– Он... – Повисает пауза. Долгая пауза.

– Что? – допытывается Анна – теперь она встревожилась.

– Он...

И тут все сразу проносится у Анны в голове. У нее жуткое предчувствие: она уже знает, что сейчас последует, но этого не может быть, нет, не может, – и вот страшное подтверждение, слово уже здесь, в такси, вылетело:

– Умер.

– О боже! – вскрикивает Анна. Мысли теснятся. Что это – какая-то глупая шутка?

– В чем дело? – спрашивает Лу, схватив Анну за колено.

Анна стряхивает ее руку, жестом показывая, чтобы та замолчала.

– Как?... Когда?..

– Только что... Сегодня утром... В поезде...

– Что? На семь сорок четыре до Виктории? Нет!

– Да. – Голос еле слышен. – Как ты узнала?

– Да я была в этом поезде! – восклицает Анна. – Господи Иисусе, не могу поверить! Ой, ой, Карен... – Она инстинктивно начинает плакать, огромные слезы каплют, она не в силах их сдержать. На самом деле это даже не печаль, она еще не успела сознать ужасное известие. Это шок. Карен и Саймон – ее друзья. Карен – ее лучшая подруга. И все же нужно принимать правду, какой бы горькой она бы ни была. – Что вы делали в этом поезде? Вы обычно не садитесь на него... Это я на нем езжу.

– Да, наверное, так и должно было быть, – говорит Карен. – Я не подумала.

– Черт! – И вдруг Анна осознает, что это не шутка. Совсем не шутка. – Вам сегодня нужно было подписать бумаги на ипотеку, да?

– Да, – говорит Карен, чуть громче шепота. – Мы вместе ехали в Лондон, к юристам, а потом Саймон собирался на работу. Это казалось вполне разумным. А потом мне нужно было кое-что купить. Я собиралась в «Хэмлис»[7 - Магазин игрушек в Лондоне. (Прим. ред.)], поискать Люку подарок на день рождения.

В это время вмешивается водитель такси.

– Мне очень жаль, – говорит он, и его тон на этот раз не так резок, – но мы приехали.

– Что? – Анна смотрит в окно, видит цветочный ларек – всплеск цвета и листьев, – а над ним большую красную вывеску:

КЛЭПХЭМ ДЖАНКШН

– Да, да, верно. – Она собирает свою сумку. – Одну минутку, Карен, одну минутку, просто нужно расплатиться за такси. Не вешай трубку – я сейчас вернусь.

– Все в порядке, – говорит Лу. – Вы выходите – продолжайте говорить, я расплачусь, не беспокойтесь. Все в порядке, мы разберемся сию секунду.

Анна благодарно кивает.

– Спасибо, – открывает дверь такси и кое-как вылезает на тротуар, по-прежнему держа телефон рядом с ухом, чтобы не потерять связь с Карен. Лу расплачивается с водителем – к счастью, ей хватает наличных, – и выходит следом.

– Ты еще слушаешь? – спрашивает Анна.

– Да.

– Одну секунду. – Несмотря ни на что, Анна хочет расплатиться. Она роется в глубинах сумки в поисках кошелька, но, как только его достает, тут же роняет.

Лу поднимает его и возвращает ей.

– Я могу подождать.

– Пожалуйста, продолжайте.

– Вы уверены?

Лу кивает и дипломатично отходит в сторону, чтобы не слышать разговор.

Анна продолжает говорить:

– Ты где?

– В больнице.

– В какой? В Хейвардс-Хите?

– Нет, в Брайтоне. Почему-то нас привезли сюда – наверное, потому что здесь есть кардиологическое отделение или что-то вроде этого.

– А, понятно. Так, расскажи мне, что случилось, подробнее.

Хотя она уже слышала эту историю от Лу, Анне хочется услышать ее от Карен, чтобы убедиться, что так все и было, и осознать, что это реальный факт.

– Сегодня утром мы сидели вместе в поезде, знаешь, все было как обычно... Не знаю... Мы разговаривали, оба пили кофе... И вдруг – сердечный приступ.

– Как? Ни с того ни с сего?

– Ну, странно, но по пути к станции он жаловался на несварение. Но ты же знаешь Саймона, у негоечно изжога, и он всегда жаловался – так что, честно сказать, я не придавала этому особого значения. Просто нервы – новый дом, нужно подписать документы.

Анна кивает, хотя Карен не может этого видеть.

– Так что... – Анна колеблется в неуверенности, не будет ли это выглядеть бесчувственностью, но все же продолжает: между ней и Карен никогда не было особых барьеров. – Это случилось совершенно внезапно, да?

– Да. Он сидел рядом со мной. И все произошло буквально за несколько минут... Его стошнило, он упал ничком и опрокинул свой кофе. Потом прибежали медсестры и пытались реанимировать его, и всем пришлось сойти с поезда, потом приехала «скорая помощь», и нас отвезли в больницу. Его положили в отделение экстренной помощи... Потом мне пришлось говорить с полицией и больничным капелланом – там было столько людей! Но доктор сказал, что они ничего не смогли сделать. – Голос Карен снова перешел на шепот. – Очевидно, он сразу умер. Вот так.

У Анны закружилась голова, и она прислонилась к столбу цветочного киоска.

– Э-э-э... Дай мне подумать... Так где, ты говоришь, сейчас находишься?

– В Королевской Суссекской больнице.

– Что? В Кемптауне?

– Да.

– А, понятно. А дети?

– Они у Трейси.

– Люк не в школе?

– Нет. В Брайтоне на этой неделе каникулы. Мы отвели их к Трейси, чтобы съездить в Лондон.

– Понятно. И когда ты собираешься их забрать?

– Ох, м-м-м... В полчетвертого.

«Хорошо, у нас есть хоть какое-то время», – думает Анна; в голове бешено кружатся мысли.

– Ты им сказала?

– Нет.

– А Трейси?

– Нет, нет, нет еще. Я тебе первой позвонила.

– А где сейчас Саймон?

– М-м-м... – Карен, похоже, взволнована и как будто не понимает, о чем говорит Анна. – Он тоже здесь. В больнице. Его перенесли в специальное помещение. Мне нужно туда скоро вернуться. Наверное, в отделении экстренной помощи. А ты где?

– В Клэпхэм-Джанкшне. На станции. Я взяла такси.

Анна думает, не объяснить ли, что она сидит рядом с женщиной, которая видела, как Саймон умер, но потом решает, что не стоит. Сейчас не время, да это и не важно.

– Слушай... – Она пытается составить план. – Я скоро вернусь. У меня тут презентация, но ее может провести кто-нибудь другой. На самом деле это не так важно. Я им позвоню. Они поймут, а если нет, то и черт с ними. Так что, не знаю... подожди там. Я буду... – Она смотрит на часы: сейчас без пяти десять. – Думаю, поезд уходит в десять двенадцать. Если расписание уже соблюдается, я буду в Брайтоне к одиннадцати и возьму такси. Буду у тебя, как только смогу.

– В самом деле сможешь? – У Карен снова срывается голос. – Ты уверена, что приедешь?

– Уверена? – Анне не верится, что об этом нужно спрашивать. – Конечно, уверена. Где ты будешь ждать? Пойдешь домой?

– Не знаю. – Карен, очевидно, не в состоянии принять решение. – Потом – да, но сейчас я хочу побыть с Саймоном...

– Конечно. Все равно я снова позвоню, буквально через минуту. Мне только нужно убедиться, что я успеваю на следующий поезд, и позвонить на работу, так что сейчас мне надо идти на станцию. Ладно? Я позвоню снова, скоро.

– Ладно, – совсем тихо говорит Карен. – Спасибо.

Спустя несколько секунд Анна чувствует, как кто-то сжал ей локоть.

Это Лу.

– Все хорошо?

– Ну-у, так... – отвечает она, хотя мысли ее где-то далеко.

– Не хотите пойти выпить кофе или что-нибудь такое? Вы побелели как полотно. Думаю, вам нужно присесть.

– Нет. Мне надо идти. Это была моя подруга Карен. Это ее муж умер в поезде. Мне нужно вернуться, повидаться с ней. Но все равно спасибо.

– Точно? У вас действительно такой вид, что вам нужно посидеть, прийти в себя. Тут рядом кофейня...

Лу права: говоря по телефону, Анна уставилась на знакомый синий логотип, но не видела его.

– Нет, – решительно говорит она. – Мне нужно успеть на следующий поезд. Я обещала.

– Понимаю.

Анна уныло улыбается и тут вспоминает:

– Господи! Я же вам должна пятьдесят фунтов. Или больше? Вы дали ему на чай? – Она роется в кошельке. – Черт! У меня только три двадцатки.

– Двух вполне хватит. Правда. А то вдруг вам не хватит, и вы не сможете взять такси обратно.

– Нет-нет, – настаивает Анна. – Наверняка я смогу разменять.

– Не глупите! Сорока хватит за глаза.

– Терпеть не могу занимать деньги.

– Ну, тогда ладно, но вот что я вам скажу: чем волноваться о долге, лучше возьмите вот это.

Теперь Лу, в свою очередь, открывает бумажник и достает оттуда деловую визитную карточку с надписью: «Хаммерсмит и Фулхэм, образовательные услуги».

– Напишите мне как-нибудь. А еще лучше, позвоните или пришлите эсэмэс, когда будете в поезде. Ну, понимаете.

– Да, конечно.

– Я работаю с понедельника по четверг. Или звоните в любое время. Если просто захотите поговорить.

Лу говорит так доброжелательно, что Анна не знает, что и ответить. Она бормочет «спасибо», но это кажется совершенной нелепостью.

– Не за что.

– Нет, я правда вам благодарна.

– Не стоит об этом. И, пожалуйста, при случае – если такой выпадет, – скажите вашей подруге, что я очень сочувствую ей.

– Да, конечно, скажу, – говорит Анна.

11 ч. 00 мин

Анна вертит в пальцах карточку Лу, рассеянно чистя ногти ее уголками, когда поезд останавливается у семафора перед прибытием на конечную станцию. Слева, на холмах Даунса и за ними, раскинулся город, ряд за рядом тянутся домики с террасами, издалека они кажутся совсем маленькими. В конце вагона высвечивается оранжевыми точками бегущая строка: «Следующая станция –

Брайтон». Хотя Анна почти приехала, она чувствует себя совершенно дезориентированной, она никак не может собраться с мыслями. Она проехала от Брайтона до Уивелсфилда, оттуда по автостраде до Клэпхэма и вернулась обратно, а сейчас всего одиннадцать. У нее такое чувство, будто по пути она растеряла часть своего сознания и в результате стала совсем другим человеком.

Она пытается вновь собраться с мыслями, направить их в более-менее рациональное русло, чтобы помочь Карен. Как они перенесут это горе? Проблема с Люком и Молли: как сказать маленьким детям, что их папа умер? Вопрос даже не в том, как сказать им о случившемся, а в том, как это повлияет на их жизнь. Чем для них обернется потеря отца? Они еще такие маленькие, впереди у них долгие годы детства. И ведь есть еще мать Саймона, его брат Алан. Анна несколько раз виделась с ним, они были близки с Саймоном. Он живет неподалеку, и они частенько вместе играли в футбол на лужайке у моря вместе с какими-то местными отцами семейств.

А сама Карен? Она была с Саймоном с тех пор, как впервые пошла на работу после колледжа. Когда они познакомились, Саймон жил с другой женщиной – какая это была драма! Но это случилось целую вечность назад, и с тех пор они прожили вместе почти двадцать лет. И хотя у них были безрадостные периоды – например, когда Саймон потерял работу или когда Люк серьезно заболел вскоре после рождения, – они не угрожали их браку. По сути, ничто никогда не колебало их отношений... до сегодняшнего утра.

Анна содрогается. Она понимает, что это только начало, самое начало, и уже так чувствует боль Карен, что не знает, где кончаются собственные чувства и начинаются ее. Конечно, рана еще слишком свежая, поэтому она никак не может поверить в случившееся, что Саймона в самом деле больше нет. И хотя Анна уронила несколько слезинок час назад, она чувствует, что плакать еще рано.

Может быть, он не умер? Она на долю секунды впускает в свою голову эту нелепую мысль. Может быть, Карен сошла с ума, неправильно поняла или что-нибудь еще.

Вдруг рассердившись, Анна качает головой. Конечно, все она поняла правильно. Но разве не мог кто-то где-то что-то сделать для него? Мужчины в пятьдесят один год не умирают просто так: конечно же, были какие-то признаки? Разве сам Саймон не знал, что с ним что-то не так? А когда играл в футбол? Тогда он не чувствовал какого-то недомогания? Почему он не проверился, не сходил на

осмотр? Ради бога, он же отец, у него были обязанности перед семьей. Медицина могла предотвратить такой исход. Почему его терапевт не предупредил его? (Впрочем, Анна не могла себе представить, чтобы Саймон согласился бы пойти к врачу. Стив тоже не был у врача уже много лет.) А как же медсестры в поезде, о которых говорила Карен, – почему они не смогли ничего сделать? Или эти чертовы санитары, или доктора в дорожном Брайтонском кардиологическом отделении? Понятное дело, что у них не хватало персонала и оборудования. Значит, тут виновато и правительство. Компания идиотов. Черт бы их всех побрал!

Тут ее посетила другая мысль, не такая злобная, но более удручающая. Наверняка Карен упрекает себя – самоедство было ей свойственно. Карен вообще очень тревожна и всегда первым делом думает о других. О детях, Саймоне, а зачастую и о ней, Анне. Конечно же, это не ее вина, но Карен все равно наверняка будет винить себя, будет думать, что это она не уследила за Саймоном.

И тут Анна впервые чувствует тень собственной вины. Возможно, это она не уследила за Саймоном. Понятно, что Карен не замечала его состояния, живя с ним и присматривая за большой семьей. Анна может понять, как легко было не заметить, что его здоровье постепенно ухудшается. Но она-то, Анна, могла быть более объективной. Она должна была заметить. Если бы не была так погружена в свою работу и не была бы так занята собственными отношениями. Она ведь часто видела Саймона, каждую неделю, видит Бог, это продолжалось очень долго. Она должна была заметить, что у него появилась одышка, он часто испытывал слабость и головокружения, что у него не обычное несварение, или красное лицо, или какие-то еще симптомы, предшествующие инфаркту, если бы не была так погружена в себя.

Господи, думает она, толчком возвращаясь к настоящему. Пассажиры уже покинули вагон, она одна все еще сидит на месте. Лучше выйти из поезда. По проходу прошла уборщица, руками в перчатках собирая в большой прозрачный мешок стаканчики и брошенные газеты. И Анна надевает свое пальто, берет со столика сумку и второй раз за день идет по брайтонской платформе.

* * *

Карен сидит в кафе напротив больницы и смотрит на часы на стене. Анна должна прибыть через несколько минут. Ей хочется дождаться подругу, ей нужна помощь, руководство, без этого она не сможет вернуться домой. Никогда в жизни Карен не нуждалась в чьей-то помощи, обычно она сама заботилась о других. Даже когда была маленькой, она была старшей сестрой и старшим товарищем, несла ответственность за близких. Но сегодня одно катастрофическое событие перечеркнуло прошедшие сорок лет. Она как будто попала в кошмарный сон, из которого ей самой не выбраться: нужно, чтобы кто-то ее разбудил, сказал, что произошла какая-то ошибка, ничего страшного не произошло и можно идти домой. Она чувствует себя отвергнутой окружающим миром. Помещение, в котором она сидит, выглядит нереальным, его пропорции совсем не соответствуют кафе: оно слишком просторное, между столами слишком большое расстояние, а полоска флуоресцентных ламп светит зловеще ярко; стойка, с которой она взяла чай, выглядит странно одномерной, плоской. И хотя слышатся голоса – в кафе печально пусто, но все же здесь кто-то есть: пожилая пара, например, и женщина рядом, воркующая со своим ребенком, – их голоса кажутся отдаленными, искаженными раздающимся эхом.

Кажется, у нее галлюцинации. Успокаивало то, что это скоро закончится, что это лишь игра сознания. Да и Анна находилась рядом. Она помогла Карен прийти в себя и успокоила разговорами.

А сейчас она одна и не имеет представления, что делать дальше. Обычно она обо всем советовалась с Саймоном. Поэтому и сейчас, про себя, она вновь обращается к нему, но в то же время какой-то голос в голове – голос доктора – напоминает ей: Саймон умер. Две эти мысли не могут сосуществовать, она совершенно обескуражена. Карен не может поверить, что его больше нет, и чувствует, как тело ее немеет. Сковавшую ее броню пробивают уколы паники, как будто осколки стекла. Паника ужасна, ужасна – Карен чувствует, что не может совладать с ней; онемение даже лучше. Она хочет, чтобы паника поскорее прошла.

Пожалуй, нужно составить список. Она хорошо составляет списки.

У нее в сумке много документов, это хорошо: можно писать на обратной стороне листов формата А4. Да, и есть ручка. Она помнит, что положила ее в передний карман; как-то однажды, перед посадкой на поезд, она обнаружила, что у нее нет с собой ручки, и это вызвало раздражение. Впрочем, нет, не просто раздражение – она не могла представить, что такое случится снова. Это было

целую жизнь назад.

И все же, находясь в отчаянии и не понимая, что же ей делать, она заставила себя обратиться к воспоминаниям; можно вспомнить, как это случилось с отцом Саймона. Он умер пять лет назад, также неожиданно. У него была аневризма, и однажды она лопнула. И если бы после этого Карен сказала Саймону, чтобы он пошел провериться к врачу, ведь следовало учитывать плохую наследственность? Хотя она говорила ему десятки раз, но разве он послушался? Конечно нет. Теперь Карен охватил гнев. Впрочем, она чуть ли не обрадовалась этому: гнев казался вполне нормальным чувством. Она и раньше сердилась на Саймона и теперь узнала это чувство – то же самое, только сильнее. Ей захотелось завопить. Но через долю секунды это прошло, и снова вернулись осколки стекла, онемение и паника.

Когда отец Саймона умер, они с Саймоном помогали его матери составить список, что нужно сделать. Карен сосредоточилась на задаче и медленно, автоматически начинает формулировать:

1. Позвонить Трейси. Забрать детей.

Как странно, что ее почерк выглядит почти так же, как обычно, округлый и с наклоном, буквы черные. Она думала, что он изменится.

2. Сказать детям.

Она не представляет, как это сделает, но, прежде чем успела ощутить боль, добавляет:

Привести их в больницу попрощаться?

Дальше:

3. Пойти домой. Позвонить:

Маме Саймона

Алану

Саймону на работу

Боже, Саймону на работу! Туда надо позвонить сейчас же. Его там ждут. Господи, и еще этот юрист. Они не пришли на встречу. Эти люди не могут ждать, пока она придет домой. Им нужно все узнать прямо сейчас. Карен снова берет телефон. Маленькие стикеры блестят и подмигивают ей, и она чувствует прилив нежности к дочурке, Молли, которая настояла, чтобы приклеить их именно так, в те места, которые, наверное, для Молли что-то значили, но всем остальным кажутся нелепой случайностью. Вот, например, звездочка поверх круглого логотипа и мелкие цветочки вокруг экрана. Карен начинает набирать рабочий номер Саймона. Но снова замирает. Она этого не вынесет. Она не может найти в себе силы, чтобы объяснить происшедшее. Пожалуй, нужно подождать, пока придет Анна. Она поможет. Карен кладет телефон, ругая себя за неспособность справиться со своими чувствами. Обычно она умела держать себя в руках.

– Карен, здравствуй.

Она поднимает голову.

Слава богу, знакомое пальто, сумка, лицо... это ее подруга.

* * *

Прежде всего Анна подходит и обнимает подругу. Карен встает и тоже обнимает Анну, и какое-то время они так стоят, молча. Потом Карен снова садится, и Анна садится напротив, но тут же чувствует, что это слишком далеко, и потому передвигает стул вокруг стола и наклоняется, чтобы взять подругу за руки.

Ее поразило, как утренние события преобразили лицо Карен. Обычно она выглядит здоровой и полной энергии, но теперь румянец со щек сошел. Она бледна, у нее изнуренный вид. Ее длинные волосы, обычно блестящие, как

конский каштан, намокли и потускнели, а орехового цвета глаза, обычно искрящиеся теплом и эмоциями, остекленели и смотрят перед собой. Радость и энергию заменили страх и смятение. И изменилось не только лицо, а вся ее фигура. Ее как будто действительно выжали или высосали каким-то гигантским пылесосом. Она поникла, как будто из нее вышел воздух. И еще она страшно дрожит, особенно руки. Хотя – да благословит ее Бог! – Карен, очевидно, пыталась что-то написать. Анна видит перед ней листок бумаги.

Ей хочется поднять ее и перенести в свою уютную комнату, вытереть, обсушить, усадить в самое удобное кресло, завернуть в одеяло и растопить камин. Она бы приготовила для Карен горячий шоколад и дала печенье. Но вместо этого они сидят здесь – Анна оглядывается, – в месте, которое и в лучшие-то времена выглядит уныло, что и говорить про дождливый февральский день. Здесь определенно нет ничего привлекательного – большое помещение освещают голые лампы, мебель металлическая и поломанная, и вся обстановка далека от утешительной, насколько это вообще возможно в кафе.

– Мне очень жаль, – ласково произносит Анна, глядя на Карен с робкой сочувственной улыбкой. Ей в самом деле жаль Карен, и, пожалуй, ей никогда в жизни не было так ее жаль. Она чувствует, как слезы щиплют глаза, но она не должна плакать.

Карен качает головой:

– Я не понимаю, что случилось.

– Да, – шепчет Анна.

– Наверное, я в шоке.

– Да, милая, мы обе в шоке. – Она смотрит на руки подруги, которые держит в своих. У обеих едва заметно обозначаются пигментные пятна. «Мы обе стареем», – думает Анна.

– Говорят, сердечный приступ.

– Да.

Карен глубоко вздыхает:

– Пожалуй, нам нужно уйти. Я ждала тебя.

– Где Саймон?

– Там специальная комната, они занимались с ним.

– Конечно, – кивает Анна. Она гадает, будут ли делать вскрытие. Наверное, это несколько задержит похороны. Но и может ответить на некоторые вопросы. У нее самой много вопросов, а у Карен, несомненно, еще больше. Опять же, возможно, Карен не захочет вскрытия. Оно уже не вернет Саймона.

– Но, прежде чем уйти, я подумала: ты не могла бы кое-куда позвонить за меня?

– Конечно. Кому?

– Просто я действительно не могу этого сделать.

Анна сочувственно улыбается:

– Конечно-конечно. Кому позвонить?

– Юристам, если нетрудно. Просто они нас ждут. И Саймону на работу...

Она замолкает.

Анна берет дело в свои руки:

– Не проблема. У тебя есть номера?

– Да, вот. Может быть, легче позвонить с моего телефона.

– Конечно.

Анна берет со стола мобильник Карен в знакомом кожаном футляре с наклеенными стикерами.

– Давай сначала позвоним юристам. – С одной стороны, ей неприятно быть такой приземленной и практичной, а с другой – хорошо, что можно хоть чем-то помочь Карен. – Только скажи, вы уже поменяли жилье?

Карен качает головой:

– Нет... Мы собирались подписать документы сегодня.

«Уф!» – про себя говорит Анна. Это означает, что есть поле для маневра. Она переключается на тон «давай покончим с этим».

– Хорошо. Я звоню юристам. Скажу им, чтобы на время приостановили процесс.

– Они будут очень недовольны, – вдруг обеспокоившись, говорит Карен.

– А вот на это мне наплевать! И тебе тоже. Об этом волноваться не будем, хорошо?

– Хорошо.

– Ну, где номер?

– Продавец тоже рассердится... – добавляет Карен. Это типично для нее – думать о других.

– И до него нам тоже дела нет, – категорично заявляет Анна. – Подождет. В данный момент мы думаем о тебе.

Карен кивает.

– Номер, – настаивает Анна.

– Вот он. – Карен, чьи мысли снова приходят в движение под руководством Анны, находит его.

– Хорошо. – Анна встает. – Но я позвоню с улицы, здесь слабый сигнал. Подожди меня здесь недолго, ладно?

– Угу.

Анна открывает дверь кафе, и на нее обрушивается холод и дождь. На самом деле уровень сигнала внутри такой же, как на улице, она солгала с благим намерением: ей казалось, что будет дипломатичнее, если Карен не услышит ее объяснений про смерть Саймона, это принесло бы лишь еще одну порцию ненужной боли. Поскольку это, конечно, первый звонок из многих, которые еще предстоит сделать, ей кажется правильным по мере возможности смягчать переживания Карен.

11 ч. 35 мин

– Значит, мисс, вы одна из этих? Лесбиянка?

– Что?

Лу проводит беседу один на один с четырнадцатилетним Аароном, и хотя в своей работе она встречается с широким спектром тем – с наркотиками, отказом родителей от детей, нищетой, изнасилованиями, – вопрос застает ее врасплох. Она беседует с учениками, которых исключали из столь многих школ – ее мать по-прежнему настаивает на слове «выгоняли», – что им уже не найти места в государственной системе. И они продолжают образование в специальных заведениях, где царит гораздо более строгое отношение учителей к своим ученикам. С недавних пор Лу работает в таком заведении. В дополнение к урокам дети по желанию могут раз в неделю беседовать с ней. Она встречается всего с пятнадцатью учениками, и со всеми без исключения приходилось туго.

– Вы слышали, что я сказал, мисс.

Лу нравится, когда ее называют по имени, но Аарон не может избавиться от привычки обращаться к ней «мисс», как к начальству, – хотя выражает этим скорее вызов, чем уважение. У него тощие ноги, джинсы приспущены. Положив ногу на ногу и откинувшись на спинку стула с наигранной беспечностью, Аарон продолжает:

– Одна из этих – вы знаете, лесбиянок? Любите женщин? Содомитка? Да?

Личная жизнь – запретная тема для Аарона, и он прекрасно это знает. Он намеренно провоцирует Лу, и она не поддается на провокацию. Но она также знает, что этой области нельзя избегать полностью: как подросток, Аарон исследует собственную сексуальность. И Лу старается осторожно направить разговор в другое русло.

Он пододвигается на стуле, глядя на нее.

– Почему вы не хотите мне сказать? Стыдитесь?

Она не собирается втягиваться в этот разговор, но он ведет себя слишком вызывающе.

– Ты считаешь, Аарон, этого нужно стыдиться?

Он с довольным видом откидывается на спинку.

– Получается, что да.

И снова Лу предпочитает не отвечать.

– Почему не хотите сказать мне, мисс?

Она проявляет твердость:

– Мы находимся здесь, чтобы разговаривать о тебе, Аарон, а не обо мне.

– Вы что же, думаете, что я буду с вами откровенен, если сами не хотите рассказывать о себе?

Резонно, думает Лу, но так дело не пойдет: Аарон использует эту тему, чтобы отвлечь внимание от себя. Не будь она его консультантом-психологом, она, может быть, и сказала бы ему о своей ориентации. Но это противоречит терапевтической динамике и вряд ли пойдет на пользу, особенно если он спрашивает главным образом лишь для того, чтобы удовлетворить свои вуайеристские потребности. Тем не менее поучительно, что он в настоящий момент привязался к этой теме; раньше он говорил только на отвлеченные темы, и Лу хорошо знакома была эта тактика уклонения. Про себя она улыбается, оценив эту увертку. Они оба уклоняются от нежелательных тем.

– Кайра тоже считает, что вы лесбиянка, – добавляет Аарон.

«Прекрасно, – думает Лу. – Значит, они меня обсуждают. Значит, вероятно, и другие ученики этим занимаются». Лу не хочет в дидактических беседах касаться своей сексуальности, и не только потому, что признание не соответствует ее роли, но и потому, что дети, с которыми она имеет дело, могут быть агрессивны, и некоторые крайне нетерпимы к другим, не таким, как они. Она сама об этом слышала – про насмешки над одним из учителей, которого сочли чересчур «шикарным», про запугивание слишком прилежных учеников, про жестокое издевательство над толстым воспитателем. У нее не было ни малейшего намерения подвергать такой угрозе свою личную жизнь. Она проработала в этой школе всего один семестр и не говорила директору и другим учителям о своей сексуальной ориентации. В конце концов, возмущенно думает Лу, какое им до этого дело?

Она твердо решила, что Аарон должен сосредоточиться на себе.

– Мы оба знаем, что пришли сюда обсуждать не Кайру или то, что Кайра думает обо мне, – говорит Лу и, помолчав, спрашивает: – Впрочем, мне интересно. Какая тебе разница, лесбиянка я или нет?

– Значит, все-таки лесбиянка, – удовлетворенно ухмыляется Аарон. – Я так и думал.

Он как будто удовлетворился этим, и Лу решает не подталкивать его. Но интуитивно понимает, что этим разговор не ограничится. Аарон наверняка будет снова ее провоцировать.

* * *

Позвонив юристу и Саймону на работу, Анна хочет позвонить еще кое-куда, прежде чем вернуться к Карен. Ей нужно сделать это поскорее, поскольку ее беспокоит, что Карен сидит одна. Ей нужно рассказать обо всем Стиву. Она уже дважды пыталась ему дозвониться, из поезда, но он не брал трубку, а это не такое дело, о котором можно написать сообщение. Однако на этот раз он ответил.

– Алло? – заспанным голосом буркнул Стив.

– Ах, наконец. Я тебе сто лет не могу дозвониться. Ты где был?

– Ой, извини, я спал.

Типично, думает Анна, взглянув на часы. Уже почти полдень. Она знает, что у Стива нет четкого расписания работы – он маляр, и у него бывают периоды простоя. Тем не менее сегодня понедельник, и ее раздражает, что он полдня провалялся. В обычных обстоятельствах, когда она сама встала полседьмого, это бы возмутило ее, но теперь то, что он проспал такую беду, нарушает ее планы потактичнее сообщить ему страшную новость.

– Мне нужно, чтобы ты проснулся.

– Да-да, я проснулся.

– Кое-что случилось.

– Да? Что?

– Это касается Саймона.

– Саймона, это который с Карен?

– Да.

– И что же он натворил?

– Он не натворил ничего. – Раздражение Анны нарастает.

Стив не очень дружил с Саймоном, но как нелепо со стороны Стива предположить, что Саймон что-то натворил. Она выпаливает новость, уже не думая о тактичности:

– Он умер.

– Что за шутки!

– Нет, Стив, я не шучу. – Она молчит, давая ему осознать произнесенные слова. – Умер в поезде. От сердечного приступа.

– О боже! – Стив, очевидно, понял по ее тону, что это серьезно. – Каким образом?

– Точно не знаю. Полагаю, обширный инфаркт. Кажется, его пытались реанимировать, но безрезультатно.

– Господи Иисусе! Бедная Карен!

– Ну да...

– Ты где сейчас?

– С ней.

– Значит, не пошла на работу?

Анна вздыхает, ее гнев отступает. Все равно в основном ее злость направлена на то, что случилось, и Стив тут ни при чем.

– На самом деле я поехала. Долго объяснять. Расскажу потом. Мне просто нужно, чтобы ты знал, вот и все.

– Ну да. Черт, очень жаль! Я немного шокирован. – Анна слышит шорох простыней, когда он садится на кровати. – Ты где находишься?

– В кафе в Кемптауне, напротив больницы.

– Что собираешься делать?

– Не знаю. Наверное, какое-то время побуду с Карен. Я ей нужна. Она в полном ступоре, можно понять.

– Конечно.

– Саймона перенесли в морг или куда-то вроде этого, так что мы через минуту туда пойдем.

– Ладно. М-м-м... а что с детьми?

– Они с няней.

– Они знают?

– Нет, еще нет. Пожалуй, мы сделаем это позже.

– Тебе нужно, чтобы я приехал?

Анна задумывается. Ей бы не помешала поддержка, но она не на сто процентов уверена, что Стив улучшит ситуацию. Когда речь идет о чувствах, Стив бывает немного неуклюж, – не всегда, но бывает, и она никогда не знает, как все получится. Он не знаком с Карен так же близко, как она. Плюс ко всему ей представляется, что сейчас Карен лучше быть не с парой, а с одной подругой.

– Нет-нет, пожалуй, лучше не надо.

– Я могу что-то сделать?

Она снова задумывается. Не так просто попросить о помощи.

– Сейчас ничего не могу придумать.

– Точно?

Она понимает, что он сделает все возможное. И совсем смягчается:

– Нет, не беспокойся. Я позвоню позже. Просто будь дома, когда я приду. – Ей не хочется, чтобы, когда она вернется, он оказался в пабе – в этом, по крайней мере, она уверена. – Может быть, приготовишь ужин?

– Конечно, приготовлю.

И тут на Анну накатывает волна чувств. Стив, может быть, не идеален, но он жив, и она благодарна судьбе за это. Нет, не просто благодарна, а рада своей удаче.

– Я люблю тебя, милый, – говорит она.

– И я тебя тоже, зайка. Ты сама знаешь.

Это правда. Когда он в настроении и трезв, Стив один из самых заботливых мужчин, кого Анна знала.

* * *

Без пяти двенадцать, когда у Лу перемена, звонит ее мать. Мать знает, что у нее бывает несколько свободных минут между беседами, и имеет кошмарное обыкновение выбирать такой момент, чтобы занять все это время. К тому же звонит на стационарный телефон, так что Лу не может не взять трубку. Ведь это может оказаться кто-то из коллег, которые тоже знают, что она в это время свободна, и Лу обязана отвечать. Она терпеть не может этой маминой привычки, потому что ей нужно развеяться в свободное время, а мамины звонки, даже

трехминутные, поглощают все ее внимание. Мать говорит быстро и – как кажется Лу – за сто восемьдесят секунд умудряется вызвать большую нервозность, чем любое другое человеческое существо. Сегодня голова у Лу особенно забита: она пытается осознать, что случилось утром в поезде. Хотя теперь черта с два что-нибудь получится.

– Дорогая, – говорит мама, – знаю, что поздно вато спохватилась, но я звоню, чтобы узнать: не смогла бы ты приехать в выходные? Будут дядя Пэт и тетя Одри, и им бы очень хотелось тебя увидеть.

«Ой, только не это!» – думает Лу. Она любит тетю Одри, сестру матери, но дядю Пэта выносить почти так же трудно, как и маму. К тому же у нее свои планы на выходные.

Но мать тараторит дальше, не давая вставить ни слова:

– Ты знаешь, дядя Пэт в последнее время не совсем здоров...

Конечно, Лу знает, как она может не знать? Дядя Пэт страдает болезнью Крона[8 - Болезнь Крона – хроническое воспалительное заболевание, поражающее весь желудочно-кишечный тракт: от полости рта до анального отверстия. (Прим. ред.).] почти с тех пор, как Лу его помнит, а недавно его состояние особенно ухудшилось. Она также знает, что мама пользуется дядиной болезнью, чтобы манипулировать дочерью, заставляя делать то, что ей нужно, но в своих манипуляциях мать напоминает паровой каток, который расплющивает все на своем пути.

– Ну, сейчас ему снова лучше, после того как пролежал несколько недель. Так что можешь представить, тете Одри отчаянно хочется куда-нибудь выйти. Она целую вечность просидела в этом маленьком бунгало...

Лу содрогается от этой жуткой мысли и сочувствует тете Одри.

– ... и, конечно, я пригласила их к себе. Они придут, как только смогут, как только я освобожу для них комнату к выходным.

Мама Лу живет в деревне, в большом доме близ Хитчина, в котором сдает комнаты.

– Дело в том, что...

Лу собирается с духом, хотя уже знает, какая сейчас последует реплика. Ну, конечно:

– ... я вряд ли справлюсь с ними обоими одна.

И она наносит еще один удар, чтобы убедиться, что Лу повержена и уже не встанет:

– С моим бедром мне трудно ходить по магазинам, показывать им окрестности, развлекать.

Ерунда, думает Лу. Когда она решает сдать комнаты, никакое бедро ее не останавливает. Готовить английский завтрак, стелить постели, храбриться – с незнакомыми это куда труднее, чем с дядей и тетей Лу. Странно: когда дело касается денег, мама со всем прекрасно справляется.

А из трубки льется:

– Вот я и подумала, что ты могла бы приехать – тебе ведь не так далеко, верно, дорогая? Хорошо бы ты приехала в четверг после работы. Ты можешь сесть на поезд из Хаммерсмита до Кингс-Кросса, а оттуда приехать сюда.

Если бы Лу не привыкла к подобному, она бы не поверила – мать действительно хочет заарканить не на два дня, а на целых три. «А как же моя сестра? – в ярости думает она. – Джорджия не может помочь?» Но Лу знает, что нет смысла спорить. У младшей сестры муж и дети, и мама никогда не просит у нее и четверти того, что требует от Лу.

– Мам, – наконец, говорит она, понимая, что пустой разговор подходит к концу, так как мать уже высказала свою настойчивую просьбу, скорее даже требование, – ты слишком поздно мне сообщила, у меня уже планы на выходные.

Это правда: прежде всего, по утрам в пятницу она играет в теннис, потом помогает в местной ночлежке для бездомных, а в субботу ее пригласили на день рождения.

– Правда? Так жаль. Ну что ж, если ты так занята... – Следует пауза, но можно догадаться, что мать разочарована.

– Дай подумать. Я посмотрю, что можно сделать.

Снова молчание. Лу знает, что мама ждет, когда она снова заговорит – искусная тактика, рассчитанная на то, чтобы добиться своего.

– Может быть, я смогу ненадолго заехать, – наконец, уступает Лу.

Вина, чувство вины! Лу в ярости. Она знала, что сдастся, она всегда сдается.

– Хорошо, дорогая, конечно, три дня было бы лучше. Ну, не буду настаивать.

«Как великодушно с твоей стороны!» – думает Лу.

И тут раздается стук в дверь. Следующий ученик.

– Слушай, мама, мне пора заканчивать разговор.

– Конечно, конечно, хорошо. Но, Лу...

– Что? – Она старается не выдать нетерпения.

– Ты вечером мне сообщишь? Просто, если ты не сможешь, мне придется отменить их визит. А будет нехорошо, если я сообщу им об этом слишком поздно.

«ПОШЛА ТЫ К ЧЕРТУ!» – думает Лу, но вслух произносит:

– Да, конечно, – и кладет трубку.

Она так зла и чувствует себя такой обиженной, что ее колотит. Такой матери – вечно что-то требующей, поглощенной собой, такой ограниченной – что же удивляться, что Лу никогда честно не говорила о своей сексуальной ориентации?

12 ч. 06 мин

Больница – лабиринт коридоров и палат, пристроек и временных помещений. Карен и Анна не в том состоянии духа, чтобы разобраться в указателях. Они направляются в палату экстренной помощи, но, когда добираются туда и спрашивают, им велят подождать. В конце концов, появляется дружелюбная медсестра.

– Кто-то из вас миссис Финнеган? – спрашивает она.

Карен кивает.

– Вашего мужа положили в смотровую комнату. Если хотите, я провожу вас туда.

– Пожалуйста, – говорит Анна.

Они следуют за дамой, энергично выстукивающей каблуками по застеленным линолеумом лестничным пролетам и бесконечным коридорам и в итоге оказываются у дверей с надписью «МОРГ». Все это кажется ужасным, бесчеловечным.

Медсестра звонит, и их впускают.

– Это миссис Финнеган, – говорит она человеку в белом халате.

– Мистер Финнеган в смотровой комнате, – говорит он. – Но подождите секунду. – Он открывает шкафчик и достает большой мусорный мешок. – Кто из вас миссис Финнеган?

– Я, – говорит Карен.

– Это личные вещи вашего супруга.

– О, спасибо.

Она заглядывает внутрь.

– Это в основном одежда. И его портфель.

– Хорошо.

– Если хотите, я провожу вас, – говорит медсестра и ведет их ко второй двери.

Она открывает ее, и они входят.

Саймон лежит на спине, сложив руки на белом хлопковом одеяле. Анна замечает, что на нем больничный халат. Свет проникает через окно, прикрытое жалюзи; рейки жалюзи повернуты так, чтобы можно было видеть, но освещение не слишком яркое.

– Пожалуйста, можете оставаться здесь, сколько хотите, миссис Финнеган, – говорит медсестра.

– Правда?

Анна удивлена. Она думала, что время будет ограничено.

– Да, – заверяет их медсестра. – Насколько я понимаю, смерть вашего мужа наступила внезапно?

Карен снова кивает.

– Некоторым помогает, если они какое-то время остаются у тела родственника. В самом деле, торопиться некуда. Можете оставаться несколько часов, если хотите.

– Спасибо, – благодарит Карен.

Медсестра оборачивается к Анне:

– Вы ее подруга?

– Да.

– Можно сказать вам пару слов за дверью?

– Конечно.

Они выходят в коридор.

– Лучше на какое-то время оставить миссис Финнеган с ее мужем одну, – тихо советует медсестра. – Иногда это помогает людям смириться со случившимся. Должно быть, для нее это ужасное, просто ужасное потрясение.

– Да, конечно. – Анна так и собиралась сделать. – М-м-м... Прежде чем вы уйдете, можно у вас кое-что спросить?

– Да, конечно.

– У моей подруги, у Карен, двое маленьких детей.

– О... – Медсестра сочувственно вздыхает.

– Я просто подумала: ну, что нам с ними делать? Как им сказать?

Медсестра глубоко вздыхает:

– По моему опыту, лучше не ограждать их уж слишком. Так что, если ваша подруга успеет принять случившееся, будет лучше, если вы посоветуете ей быть с детьми по возможности откровенной. Конечно, в разумных пределах, если они совсем маленькие.

– Как вы думаете, следует привести их попрощаться?

– Сколько им лет?

Анна задумывается и отвечает:

– Три и пять.

Медсестра отвечает не сразу:

– Это действительно тяжело, даже и не знаю, что вам посоветовать. Но лично я – а мы в кардиологии часто видим смерть, – я бы сказала, да, если они захотят прийти, приведите их. Хотя сегодня, позже, вероятно, тело мистера Финнегана придется перенести отсюда.

– Куда?

– Поскольку он умер внезапно, должно быть вскрытие.

– Когда это будет?

– Зависит от расписания, но как только сочтут удобным. Потом его тело передадут в похоронное бюро.

– А там будет возможность его увидеть?

– Да, конечно. И не беспокойтесь, мы в свое время можем все это объяснить миссис Финнеган. Доктор уже почти все ей рассказал, но людям в такой ситуации часто нужно повторять несколько раз.

– Понятно. И спасибо. – Анна улыбается. – Вы действительно очень помогли.

– Это моя работа, – говорит медсестра, и Анну поражает, какой приземленной кажется в сравнении с этой ее собственная работа.

* * *

Пока Анна за дверью разговаривает с медсестрой, Карен медленно подходит к столу, на котором лежит Саймон. Дождь на улице прошел, и день проясняется, так что свет, проникающий сквозь жалюзи, создает на одеяле полосы, которые дугами изгибаются на руках. На груди дуги большие и широкие, и на краткое мгновение Карен кажется, что одеяло поднимается и опускается, как будто Саймон дышит, еле заметно, как бывает во сне.

– Саймон? – шепчет она.

Но он не отвечает.

Она не может поверить, что он умер. Ей говорили, что он умер, но по-прежнему кажется, что он здесь. Она смотрит на его лицо, ища ответа. В нем что-то изменилось, но черты те же. Глаза закрыты, знакомые темные ресницы на фоне щек, брови нужно подравнивать, такими они были и вчера вечером. Он чисто выбрит – все-таки еще достаточно рано, а к вечеру пробьется щетина. Кажется, так обычно происходит? Линия волос такая же, он гордится своими волосами – один из немногих предметов его тщеславия. Они густые, темные и блестящие, хотя и тронуты сединой. «Замечательные», – как-то раз она слышала, как он бормочет перед зеркалом, и несколько раз он хвастался перед ней, что у него волосы гуще, чем у младшего брата Алана, который сильно сдает. Тогда она улыбнулась про себя: ей показалось забавным, что зрелые мужчины соревнуются в наличии признаков молодости.

Она без вопросов и не задумываясь узнает широкую грудь Саймона, выпирающую под одеялом. И его руки, слегка веснушчатые и покрытые венами, и волоски на тыльной стороне кистей поблескивают на солнце, кисти по-прежнему большие и квадратные, гораздо сильнее, чем у нее.

И все же...

На нем больше нет рубашки, которую он гладил сегодня утром, когда она кормила детей завтраком. Нет запонок – их она подарила мужу два года назад на Рождество. Рубашку сняли и заменили зловещим голубоватым халатом. И обручальное кольцо тоже сняли; сам Саймон никогда его не снимал. Но на пальце остался след: Саймон в последние годы располнел, Карен это знает.

Боль от этих перемен ошеломяет ее, пугает. Карен чувствует, как учащается дыхание, а горло схватывает, как будто кто-то ее душит.

У кровати стоит стул, она быстро садится.

Так лучше.

Карен придвигает стул поближе, берет Саймона за руку. Как странно. Рука кажется во многом знакомой, да и лицо тоже. Но она холодная. Руки у Саймона никогда не были холодными, даже когда он мерз. У нее, Карен, было плохое кровообращение – пальцы на ногах и руках у нее часто мерзли. Но у Саймона они никогда не были холодными.

Значит, они правы.

Она всматривается в его лицо. Дело не в том, что щеки побледнели: иногда они бывали серыми, у него не такой здоровый цвет лица, как у детей, но никогда у него не было такого лица. Кажется, что оно выглядит бессмысленным, каким-то съезжившимся, как будто какой-то части не хватает, она исчезла. Ушла жизнь, и в нем нет души. Нелепо – а может быть, не так уж нелепо, – Карен вспоминает, как умер Чарли, их кот. Он был очень старым, и однажды залез под кухонный стол, туда, где чувствовал себя в безопасности. Когда она потом нашла его, то заметила, что тело его было прежним, а самого кота не было, он перестал быть похожим на Чарли – стал похож просто на дохлого, никчемного кота, его шерсть потускнела, пасть застыла и высохла. Как будто его душа, то, что делало его, собственно, Чарли, испарилась.

И то же она теперь видит в Саймоне – часть его исчезла.

– Саймон? – снова окликает она.

И снова он молчит.

– Куда ты ушел?

Молчание.

В памяти вспыхивает сцена в поезде. Тихий булькающий звук, когда его стошнило рядом, и «бух!», когда его голова ударилась о столик. Осознание, что произошло что-то страшное, когда он не ответил на ее крики; спешащие люди, медсестры...

И снова на нее накатывает страшный вал тревоги.

Она смотрит на его руку у себя в своей руке, надеясь, что эта рука даст ей опору. Эта рука поддерживала ее бесчисленное число раз, гладила ее по голове, доводила до оргазма. Рука, которая писала записки, открытки ко дню рождения, рисовала бесконечные ландшафтные дизайны. Рука, которая подписывала чеки, держала молоток, пилила дрова и даже – хотя и не так часто, как хотелось бы, – развешивала выстиранное белье. Рука, которую она крепко сжимала – так крепко! – когда рожала, как будто это могло уменьшить боль. И рука, которая держала за ручку Молли, когда сама Карен держала ее за другую, лишь вчера, когда они вместе раскачивали ее над тротуаром, возвращаясь с берега моря. «Раз, два, три... Оп!» – слышит она голос Саймона. И ей до сих пор слышится громкий смех Молли, когда та взлетает в воздух, а потом приземляется маленькими ножками на мостовую. Он бы не уронил Молли, правда? Она такая маленькая. «Обними меня, как папа!» – одна из частых просьб дочери. И Люка тоже. Он, может быть, уже немного перерос для папиных объятий, и теперь им с Саймоном приходится самим просить его обнять их, но он все-таки ласковый мальчик, который больше всего на свете любит устраивать с отцом шутливую потасовку.

Нет, Карен не может поверить, что Саймон не вернется.

И тут дверь с легким щелчком отворяется. Несколько секунд ничего не происходит, и на несколько мгновений Карен кажется, что это он: что он услышал ее и вернулся. Ее сердце колотится, взлетает...

Но Саймон лежит на кровати рядом.

Она оборачивается к двери.

Это Анна.

Конечно, теперь Карен понимает причину паузы: у нее в руках два пластиковых стаканчика; ей пришлось сначала открыть дверь, потом взять их в руки и войти.

– Привет, – говорит она. – Я принесла нам чаю.

* * *

Чай – вот что сегодня нужно Лу к обеду. Этим утром у нее дел больше, чем обычно. В предыдущую неделю были каникулы, а обычно по утрам, перед тем как идти на работу, она пьет чай. Но сегодня не успела, и это первая возможность передохнуть и отвлечься. Дождалась, в конце концов, небольшого перерыва. Ей срочно нужно чего-нибудь теплого и утешительного, она даже положила в чай сахар – обычно она пьет сладкий чай, лишь когда заболевает. У Лу в кабинете психотерапии есть чайник. Холодильника нет, поэтому она каждое утро берет на школьной кухне пригоршню пакетиков сухого молока. В результате у чая довольно неприятное послевкусие, но это лучше, чем каждый раз, когда хочется чаю, тащиться в другой конец здания. Кроме того, она любит предлагать ученикам, когда они приходят на сеанс, чашку чая или кофе; она чувствует, что это помогает им расслабиться, довериться ей и дает почувствовать себя взрослыми и ответственными.

Ожидая, когда закипит чайник, она осматривается вокруг и размышляет. За те несколько месяцев, что она проработала в этой школе, Лу попыталась создать собственное пространство – или, точнее, собственное пространство, наполненное ученикам. Многим ее посетителям трудно сидеть перед ней один на один, поэтому она завела для них разные игрушки и принадлежности, чтобы они могли играть во время разговора. К стене прислонен огромный, наполненный бобами бамбук – «дождевая флейта»: одному мальчику, похоже, было легче доверять свои секреты под ее мягкий стук, и во время сеанса он все время брал ее и вертел в руках. В углу большой пластмассовый ящик с пластилином: некоторым из тех, кто помладше – здесь дети учатся с одиннадцати лет, – легче расслабиться, когда они крутят и мнут его во время беседы. На стенах множество постеров: распечатки из Интернета, которые ей кажутся интересными, абстрактные узоры, на которых, она надеется, отдыхает глаз, иллюстрации «чудес света XX века» из одной воскресной газеты. И последнее по очереди, но не по важности – гигантская распечатка произведения поп-арта в рамке над диваном провозглашает черными буквами на белом фоне:

Я ЗНАЮ, КТО Я

«Интересно, тот мужчина, который умер сегодня утром, – как Анна его называла? Саймон? – он знал, кто он?» – думает Лу. Не то чтобы это было теперь действительно важно, знал или нет, но Лу чертовски уверена, что, пока ты жив, это важно. Она видит, сколько вреда приносят родители, которые не понимают, кто они такие, и это выражается в насилии и оскорблениях, что, в свою очередь, вызывает отклонения в их детях.

А что с женой того человека, с Карен? Какое влияние на эту сравнительно молодую женщину окажет столь внезапная утрата партнера? Лу верит, что частично люди определяют себя через своих любимых, и ее глубоко тронуло положение Карен, прежде всего ее переживания. Все эти чувства появились в ее душе после знакомства в такси с Анной. Такая внезапная смерть, сломавшая жизненные приоритеты и чувства живых: только что Карен пила кофе и была поглощена разговором с мужем – и вот она уже видит последние моменты его жизни. Лу не может прогнать образ Саймона, его упавшая голова с разинутым ртом стоит перед глазами. Понимал ли он, что происходит, что он умирает? Как страшно умереть вот так, без предупреждения, без возможности сказать, как он любил жену, не имея времени попрощаться. А если ему было страшно, то еще страшнее было Карен, оставшейся с тысячей вопросов, с миллионом невысказанных слов.

Чайник закипел. Лу рассеянно берет пакетики с чаем, кладет в кружку, заливает кипятком, размышляя, как эти события освещают ее собственную жизнь. Знает ли она, кто она такая? Знают ли другие? Постер напоминает ей о насмешках Аарона. Хотя она уполномочена вмешиваться в личную жизнь учеников, полностью ли она честна сама с собой, почему она не обо всем рассказывает другим сотрудникам школы? Она знает, что бывали моменты, когда она могла легко все рассказать, но предпочла не делать этого. И хотя быть белым пятном на карте в чем-то лучше, в этом есть множество преимуществ, должна ли она продолжать скрывать с коллегами? Она относительно довольна тем, как обошлась с Аароном, но, может быть – хоть в какой-то степени, – он прав? В конце концов, как она может просить подростков рассказать о себе, если сама утаивает некоторые стороны своей жизни? Как она может предлагать им открыться, когда сама закрыта – «в чулане» – ото всех, с кем работает?

До сих пор ей было легко давать рациональные объяснения своей осмотрительности. Она просто хотела защитить себя от дискриминации или отторжения. И, опять же, ее идентичность, ее чувства должны больше касаться ее, а не ее коллег. А многие из них, похоже, свободно говорят о своих партнерах, и неизбежно их отношения всплывают наружу, пусть даже мимоходом.

Пожалуй, ей нужно поставить в известность хотя бы директора. Определенно, следует рассказать старшему преподавателю про насмешки Аарона. Что касается остальных коллег, это сложный вопрос. Тема кажется столь интимной, столь сложной, как огромный клубок колючей проволоки – невозможно распутать, не уколовшись.

Неудивительно, что теперь ей нужен сладкий чай.

15 ч. 10 мин

Анна едет в больницу в машине Карен. Она беспокоилась, что подруга не в состоянии сидеть за рулем, и хотя сама Анна тоже вся дрожит, но не до такой степени. Чтобы посадить детей к себе в машину, пришлось бы переставлять детские сиденья из потрепанного «ситроена» Карен, поэтому лучшим решением показалось сесть за руль ее машины самой. Это заняло некоторое время, поскольку обе не были слишком взволнованы для поездки, но это хотя бы позволило Анне дать Карен побольше времени, чтобы побыть с Саймоном.

Она поставила машину на больничную стоянку и заходит внутрь. В обычных обстоятельствах Анна хорошо ориентируется в пространстве и знает, что Карен полагается на нее, поэтому подчиняется инстинкту, и, несмотря на свое душевное состояние, ей удастся снова найти смотровое помещение.

Там жарко и душно, а Карен по-прежнему сидит на том же самом месте, где Анна ее оставила. Наполовину пустой пластиковый стаканчик с чаем стоит на столике с колесиками, в правой ладони она держит руку Саймона.

– Привет, милая, – говорит Анна.

– А, привет.

– Может быть, нам лучше уйти?

– Уйти? – Карен, не понимая, оборачивается к Анне. Она как будто в еще большем ступоре, чем была раньше. Ее глаза покраснели, но Анна не уверена, что она плакала – она кажется слишком потрясенной для слез.

– Нужно забрать детей, – напоминает ей Анна. – Уже почти полчетвертого.

– Ах... да... конечно...

– Так ты готова?

Анне все это тяжело. Кажется жестоким заставлять ее уйти.

– Не знаю...

Долгое молчание. Анна просто ждет.

– Не знаю, смогу ли я прийти. Не думаю, что ему будет хорошо без меня.

Анна чувствует, что у Карен разрывается сердце; ее собственное тоже разорвалось на кусочки.

– О, дорогая!..

– Он не любит спать один.

– Да, я знаю. – Карен раньше говорила это Анне, и Анну всегда это удивляло – так странно для такого большого, похожего на медведя, мужчины.

– Я могу забрать детей, если хочешь, – предлагает она. – Если тебе нужно еще время.

Хотя непонятно, сколько еще времени понадобится Карен и как Анна будет занимать Люка и Молли все это время.

От такого предложения Карен вздрагивает:

– О нет! Я не могу просить тебя об этом. Нет-нет, я должна сама. Ты права. Я нужна детям. – Медленно, все еще сжимая руку Саймона, она встает.

– Он будет здесь, если ты захочешь вернуться позже, – говорит Анна.

– Будет?

– Какое-то время... да...

Сказав это, Анна вспоминает слова медсестры о вскрытии, а потом тело Саймона передадут в похоронное бюро; она чувствует, что и Карен вспомнила об этом.

Карен глубоко вздыхает:

– Пожалуй, я смогу увидеть его на похоронах. – Она неохотно отпускает руку Саймона и берет свою сумку. – Ладно. – Она изображает улыбку, хотя Анна видит слезы в ее глазах. – Пошли.

Анна тянет черный мусорный мешок – там лежит тяжелый портфель Саймона. Они выходят из комнаты и из больницы и подходят к машине. Анна кладет мусорный мешок в багажник, они садятся в машину и пристегивают ремни.

– Странно видеть тебя за рулем моей машины, – замечает Карен, когда Анна включает зажигание.

– А мне странно вести ее. Она настолько больше моей.

– Здесь грязно, – замечает Карен. – Извини.

И у Анны сжимается сердце: несмотря на свою беду, она еще думает о других – как это похоже на Карен. И от этого становится только хуже.

Всю дорогу они молчат.

Трейси живет в Портслейде, милях в трех к западу от больницы. Туда ведет прямая дорога вдоль моря, обычно Анне нравится здесь ездить. Даже в тусклый февральский день, как сегодня, это место заключает в себе то, что она любит в жизни на южном побережье – архитектурное разнообразие, где современные дома перемежаются со старыми; здесь даже зимой царит какой-то праздничный дух и можно почувствовать свою близость к природе. Дождь прошел, но тучи тяжело нависли над Брайтонским молем, отчего праздничные украшения на площади и яркие огни кажутся еще более вызывающими. К тому же поднялся ветер, море беспокойно, до горизонта бегут белые барашки, напоминая о мощи природы. Потом Анна и Карен проезжают мимо ветхого ряда отелей в стиле эпохи Регентства с пустыми висящими корзинами для цветов и облупившимися балюстрадами, мимо неуклюжего бетонного сооружения семидесятых годов в центре Брайтона, где проводятся партийные конференции и бесчисленные комедийные шоу и рок-концерты. Рядом развалины Западного мола, его черные опорные колонны связаны сеткой балок; наверху в порывах ветра кружатся и ныряют чайки.

Дальше идет древняя эстрада с красивыми ажурными украшениями, в конце концов обновленная городским советом, и, наконец, они въезжают в Хоув с его грандиозными рядами сливочных домов и пастельными пляжными павильонами.

Вскоре они подъезжают к дому Трейси, представляющего собой нелепую карикатуру тридцатых годов на тюдоровский стиль[9 - Стиль поздней английской готики, эпохи правления английской королевской династии Тюдоров в 1485–1604 гг. Особенности стиля сочетают в себе одновременно черты готики, фламандского и итальянского ренессанса. (Прим. ред.)], его окружает живая изгородь из кипарисов. Дом не очень красив и изящен, но в нем просторные комнаты и большая лужайка позади – это удобно для женщины с подростками своими детьми и кучкой чужих малышей на попечении.

Анна заглушает двигатель и, прежде чем выйти, поворачивается к Карен. У той лицо стало серым, она крепко вцепилась в свою сумку, так что побелели костяшки. Анна сжимает ей руку:

– Мужайся.

Она уже позвонила и сообщила Трейси о случившемся, чтобы не волновать Карен лишней раз. Но очевидно, Трейси ничего не сказала о страшной новости Молли и Люку. Она присматривает за обоими малышами два дня в неделю с годовалого возраста (хотя теперь берет Люка лишь время от времени, поскольку он ходит на полный день в школу). И все же, какой бы блестящей няней она ни была, нельзя ожидать, что Трейси возьмет на себя смелость сообщить детям о смерти их отца. Кроме того, Карен хотела продлить хотя бы на несколько часов детскую безмятежность.

В результате, когда женщины идут по дорожке к дому, из окна радостно выглядывают два милых личика.

– Мамочка! – кричат Молли и Люк, они соскакивают со спинки дивана и бросаются к двери.

Не успевает Карен постучать, хромированная полоска щели для писем открывается, и оттуда таращатся знакомые глаза.

– Это ты, Молли? – говорит Анна, наклоняясь.

– Это крестная Анна! – вопит Молли.

Слышится возня, и появляется другая пара глаз.

– Что ты тут делаешь? – спрашивает Люк.

– Отойдите, – слышен голос Трейси.

Слышен звон отпираемой цепочки, и дверь отворяется.

– Привет, мои хорошие. – Карен опускается на корточки и берет обоих на руки. Она крепко прижимает их к себе, все крепче и крепче, словно от этого зависит ее жизнь.

Анна смотрит с крыльца. Это невыносимо.

– Ой! – через несколько секунд кричит Люк. Он отталкивается, и Молли следует его примеру.

– Мама, смотри, что мы сделали! – кричит она, дергая Карен за блузку и таща за собой в прихожую.

Анна вслед за ними следует на кухню, Трейси идет за ней по пятам. На столе поднос с пряничными человечками, некоторые совсем обгорели.

– Ух ты! – говорит Карен.

– Хочешь один? – спрашивает Молли, выбрав.

– М-м-м, можно попозже?

– Почему?

– Просто я сейчас не голодна, я бы съела пряник попозже с чашкой хорошего чаю. Ладно?

Молли кивает.

– Можно мне взять один? – спрашивает Анна.

– Можно ей? – спрашивает Молли у Трейси.

Трейси с виду немного похожа на свой дом. Она явно никогда не была красивой, а теперь, к пятидесяти, раздобрела и одета скорее практично, чем модно. И все же ее не слишком привлекательный стиль в момент кризиса ободряет: в представлении Анны, она из тех, кто представляет собой соль земли, и все ее манеры источают силу и великодушие.

– Конечно, – улыбается она.

– Спасибо. – Анна берет один, выбрав не слишком подгоревший. Как и Карен, ей хочется продлить для Молли и Люка этот момент – эти последние несколько

минут, пока отец для них еще жив.

– М-м-м! – Она откусывает приличный кусок. – Неужели вы такие умелые? Вы сами испекли эти пряники?

– Трейси нам помогала, – признается Люк.

– И Остин, – говорит Молли. Остин – это маленький мальчик, за которым тоже присматривает Трейси.

– Ну, это просто вкуснятина! Пальчики оближешь.

– А теперь, дети, где ваши сумки? – подгоняет их Карен.

Оба послушно убегают в комнату, чтобы собрать вещи.

– Думаю, нам лучше поехать домой.

* * *

Карен поворачивает ключ в двери и заходит в прихожую, за ней дети и Анна. Повсюду, повсюду чувствуется присутствие Саймона. Куртка Саймона висит на перилах с тех пор, как в последние выходные они с Карен выходили из дому; футбольные бутсы Саймона, все в грязи, брошены внизу лестницы после вчерашней игры. На столе в рамке фотография Саймона с его отцом, рядом разбросаны компакт-диски Саймона. Карен даже наступила на письмо, валявшееся на коврике: оно тоже было адресовано Саймону.

Снова прилив паники; но откуда-то берутся силы, о которых она не подозревала, и оттесняют панические волны. Карен идет на кухню поставить чайник. Она не знает, как сказать Молли и Люку, но знает, что нужно это сделать. А когда кладет свою сумку на мойку у раковины, слышится тихое мяуканье, и из-за ящика для овощей вылезает Тоби. Глядя на него, Карен кое-что придумывает.

– Привет, Тоби, – говорит она, беря котенка в руки. Он полосатый, всего десяти недель от роду, его подарили Люку на Рождество. Это котенок одной из

соседских кошек, и Люку подарили его с условием, что он подождет до середины января и только тогда получит подарок – серьезный вызов для маленького мальчика.

– Дай его мне! – тут же говорит Люк.

– Разве мне нельзя с ним поздороваться? – мягко упрекает Карен. Она щекочет Тоби за ушками. Шерстка у него чрезвычайно мягкая, теплая и пушистая, и после ужасных событий дня это ощущение хоть как-то утешает.

– Ладно, – ворчит Люк.

– А теперь, дети, – продолжает Карен, пока Анна занимается приготовлением чая, – кто-нибудь из вас хочет пить?

– Да, – отвечает Молли.

Люк качает головой.

Карен отдает Тоби Люку и приносит Молли соку в пластмассовой чашке с носиком.

Молли берет ее и тут же начинает сосать.

– Ладно, – твердо говорит Карен. – Я хочу, чтобы вы оба – можешь принести и Тоби, если хочешь, Люк, это ничего – пришли ко мне в комнату, я вам что-то скажу.

– Хочешь, чтобы и я пришла? – спрашивает Анна. – Я могу подождать здесь, если так легче.

– Нет, зайди и ты, – говорит Карен.

И Анна с чаем идет вслед за ними. Она выбирает кресло в эркере, это большая комната, и Карен понимает, что подруга не хочет быть слишком навязчивой.

Карен садится на диван и наклоняется вперед.

– Подойдите, – говорит она и привлекает обоих детей с котенком к себе. – Выслушайте меня. То, что я вам скажу, очень-очень печально. И это будет для вас большим ударом. Но я хочу, чтобы вы знали, что, что бы вы ни почувствовали, и мама и папа очень-очень вас любят. – Она с трудом смотрит на лица детей. Люк озадаченно хмурится, Молли посасывает свой сок, инстинктивно ища утешения.

– Что случилось, мама? – спрашивает Люк.

Карен делает глубокий-глубокий вдох.

– Помните нашего старого кота Чарли? – Она поглаживает Тоби у Люка на руках в надежде набраться от него сил. Он поднимает мордочку, прося погладить ему шейку, блаженно забыв обо всем, кроме удовольствия.

Дети очень серьезно кивают.

– Помните, когда Чарли умер, я сказала, что он будет с другими котами на небесах?

– Что он сможет драться с ними, когда захочет, – вспоминает Люк.

Хотя Чарли был кастрирован, но строго охранял свою территорию и всегда царапал соседских животных – включая кота, от которого родился Тоби. Он даже время от времени провоцировал соседского пуделя.

– Верно, – продолжает Карен. – И я также сказала вам, что Чарли никогда не вернется, но он очень счастлив, дерясь с другими котами на небесах.

– Да, – говорит Люк.

Молли молчит.

Хотя оба стоят прямо перед ней, Карен протягивает руки и сажает дочку на колено. Она привлекает еще ближе к себе Люка с Тоби и говорит еще тише:

– Вот, а сегодня у вашего папы внезапно остановилось сердце. И это значит, что ваш папа тоже умер, как и Чарли.

– Что, он теперь будет играть с Чарли? – спрашивает Люк.

– Да, – отвечает Карен, ей вдруг понравилась эта мысль. – Чтобы помогать Чарли побеждать других котов.

Люк озадачен.

– Но папа будет не только играть с Чарли. Папа будет делать все то, что любит.

– Он теперь на небесах? – спрашивает Люк.

– Да, – отвечает Карен. Она действительно не может придумать лучшего объяснения. Точность тут не важна. Главное, конечно, эмоциональная правда, и нужно сообщить известие как можно мягче и яснее. – Ты поняла, милая? – спрашивает она Молли.

Молли сосет, сосет, сосет свой сок, хотя Карен и слышит, что в контейнере остался лишь воздух.

Карен смотрит на ее личико. Брови насупились, нижняя губка выпятилась. Она видит, что дочка что-то поняла.

– В общем, где бы папа ни был, он может делать все, что любит, ВСЕ ВРЕМЯ. Он сможет играть в футбол... Там много людей, кто любит играть в футбол. Он сможет пить пиво... Я уверена, он найдет там много людей, кто любит хорошее холодное пиво. Он сможет разговаривать с друзьями, дремать после обеда – хоть каждый день, если захочет, – и слушать свою музыку по-настоящему громко! И знаете, что особенно хорошо? Ему теперь не придется ходить на работу, ездить в Лондон. Он сможет заниматься своими проектами, которые любит, когда захочет. Для него наступит прекрасное время!

Говоря все это, Карен чувствует себя отстраненной от своих слов; в ее голосе гораздо больше веселья и радости, чем на душе.

– Но разве папа не любит быть с нами, мамочка? – спрашивает Люк.

Карен не предвидела этого вопроса.

– Конечно, любит, милый.

– Но мне показалось, ты сказала, что папа сможет делать все, что любит?

– Ну... – Карен ищет ответ. Конечно, малыш прав. – Просто там, наверху, есть люди, которым нужны папины советы и помощь. Ты знаешь, как папа умеет помогать. И сейчас им нужна помощь больше, чем нам, поэтому он отправился помочь им в каком-то деле.

Люк хмурится:

– Значит, когда поможет им, он вернется?

Господи, как она запуталась!

– Нет, любовь моя, не вернется.

Люк начинает плакать.

– Мой маленький. – Карен крепко обнимает его и прижимается щекой к его каштановым волосам. – Мне так жаль. – Видя его слезы, она тоже плачет. – Это так печально и не очень справедливо. На самом деле папа не хотел нас покидать, но пришлось. Ты знаешь, как иногда приходится делать то, что не хочется, но ведь приходится? Например, чистить зубы и есть овощи?

Люк кивает сквозь слезы.

– В общем, смерть немного похожа на это, в некотором роде. Не хочешь умирать, но приходится.

– Ох!

Теперь плачет и Молли. Карен вспоминает, что Анна сидит в кресле в другом конце комнаты и наблюдает за этой сценой.

– Эй, Анна, подойди и обнимись с нами.

И Анна, явно с облегчением, что может что-то сделать, подходит и обнимает их всех троих, и они вчетвером плачут, вместе, рыдая и захлебываясь слезами.

* * *

Сеансы у Лу заканчиваются в полчетвертого, и потом она идет на собрание, так что уходит с работы она уже после четырех. Несколько минут идти до подземки, и, добравшись туда, она видит, что у стены рядом с газетным киоском сидят Аарон и Кайра. Миновать их невозможно, а если она повернется и пойдет в другую сторону, они заметят. Поэтому она продолжает идти своим путем. Приблизившись, она видит, что они курят. Лу не знает, стоит ли делать им замечание, вмешиваться в ситуацию, которую вряд ли сможет улучшить, но они, увидев ее, быстро тушат сигареты о стену рядом, оставив на красном кирпиче черные пятна. Поскольку они не в школе, а ей не хочется казаться слишком строгой, она решает не замечать этого.

– Здравствуйте, мисс, – говорит Аарон, искоса бросив на нее взгляд.

– Здравствуй, Аарон. Здравствуй, Кайра. Как у вас дела?

– У меня все хорошо, мисс, – отвечает Аарон. – А у вас?

– Как ни странно, устала, – говорит Лу, останавливаясь рядом.

Это правда: к утреннему потрясению добавились рабочие обязанности, и сразу после инцидента пришлось вести себя как консультант-психолог. Теперь прилив адреналина прошел, и больше всего хочется поспать.

– Значит, всю ночь не спали, мисс? – спрашивает Аарон.

Лу хмурится. Она видит, к чему он клонит.

– Нет, – категорично отвечает она. – Вчера было воскресенье.

– Некоторых это не останавливает, – замечает Аарон.

– Вы были с женщиной? – спрашивает Кайра. В ее тоне смесь неприязни и любопытства.

Тут Лу могла бы просто уйти, но интуитивно чувствует, что они сочтут это бегством, что только подзадорит их. Она смотрит на подростков, на нее, потом на него, прямо в глаза. У Аарона глаза темно-карие, вызывающие. У Кайры светло-голубые, агрессивно прищуренные. Аарон трет землю кроссовкой, Кайра тербит свои длинные волосы, оба дают выход избытку энергии.

– Я смотрела «Улицу коронации»[10 - «Улица коронации» – британский телесериал, созданный Тони Уорреном и стартовавший 9 декабря 1960 г. В главных ролях – Хелен Ворф, Уильям Роуч, Энн Киркбайд.], – заявляет Лу, – а потом костюмный фильм по ITV. А потом легла спать.

– В «Улице коронации» есть один гей, – говорит Кайра.

Боже, эти двое быстро соображают.

– Да, в самом деле, – кивает Лу. Она отмечает про себя, что это напоминает стиль беседы на их индивидуальных.

А Кайра продолжает:

– Вы лесбиянка, мисс?

В такие моменты Лу жалеет, что не выбрала более подходящую арену, чтобы работать консультантом-психологом, такую, где не встречаешься с клиентами вне назначенного сеанса. По сравнению с прежним местом работы консультации в школе имеют более размытые рамки.

– Аарон говорит, что это так.

Именно сегодня у Лу не хватает сил. Однако Кайра не дает передышки:

– Это и так ясно, можете не говорить.

– Знаете, ребята, если хотите это обсудить, будет лучше, если мы сделаем это в более подходящее время.

– А чем плохо сейчас?

Лу глубоко вдыхает. Это уже похоже на запугивание.

– Думаю, ты знаешь, Кайра. Хотя я и уважаю твой интерес к моей личной жизни, тебе известны правила: если я не хочу что-то рассказывать, то это мое право. Если вы хотите обсудить что-то еще, то, пожалуйста, поговорим об этом на сеансе – а здесь публичное место. Обсудим завтра, ладно?

– Но как же вы просите нас делиться с вами своими чувствами, а сами не хотите делиться своими?

– Дело в том, что у нас разные роли.

– Это звучит как полная чушь, – с вызовом произносит Аарон.

Она может лишь восхититься его находчивостью. Лу часто говорит ученикам, что на сеансах нужно быть честными и откровенными, и понимает его точку зрения.

– Мне жаль, что ты это так ощущаешь, – признает она, – но и ты должен уважать мои чувства. А теперь я пойду домой, я очень устала.

Она уходит.

– Но мы по-прежнему считаем вас лесбиянкой, мисс! – кричит вслед Кайра.

Вечером, когда она приходит домой, она не видит на коврике почты, в доме не чувствуется затхлого воздуха, не царит тишина.

Стив собрал ее письма и положил на столик при входе, в доме тепло, но не душно, пахнет чем-то вкусным, и доносятся звуки радио.

– Привет, – слышится голос из кухни. – Ты, наверное, совсем без сил.

Анна чувствует прилив благодарности – какой контраст с возвращением домой Карен. Она идет на кухню, там у плиты стоит Стив в ее переднике. Хотя передник без всяких рюшек – это не в стиле Анны, – но пастельно-зеленый, в клеточку, явно женский, и есть нечто трогательное видеть такого мачо в этом переднике. От этого он как-то извращенно кажется еще мужественнее и красивее. А Стив несомненно красавец. Высокий, широкоплечий, с растрепанными волосами соломенного цвета, он из того сорта мужчин, на которых женщины оборачиваются на улице – и некоторые мужчины тоже, если уж на то пошло, учитывая, что это Брайтон. Анна не сомневается, что своим успехом в профессии Стив в большой степени обязан своей внешней привлекательности – в конце концов, она сама попала на это, когда переехала в этот дом и ей потребовалось сделать ремонт. Она также заметила, что его внешность, похоже, не вызывает тревоги у нормальных мужчин – вероятно, потому, что он также хорош в том, что их связывает: Стив обожает пабы, спорт на открытом воздухе, машины.

– Я готовлю спагетти по-болонски, – говорит он, кладя деревянную ложку.

Настроение Анны становится еще лучше. Она опасалась его реакции на дневные события, боялась, что до ее прихода он пропустит несколько рюмок. Обычно он реагировал на чужие трагедии именно таким образом. Но она бы не сказала, что он совершенно трезв. На самом деле она бы не выдержала, если бы он не был сегодня таким внимательным, и благодарна ему за все.

– О-о-о, слюнки текут! – Она чувствует запах помидоров, мясного фарша, грибов, лука и чеснока. Это именно то, чего ей хочется поесть, – такое домашнее, утешительное, полное углеводов, и одно из коронных блюд Стива. Он настоящий повар. Стив вообще хорош во всем, что связано с работой руками. («Значит, должен быть хорош в постели», – шутила Карен, когда Анна с ним познакомилась).

– Иди сюда. – Он выключает радио и раскрывает объятия.

Анна шагает к нему и прижимается к его груди, вдыхая его запах, чувствуя тепло его тела, его силу, его твердость. Ей просто необходимо утонуть в его объятиях, и она издает долгий тяжелый вздох, стараясь изгнать из себя все, через что прошла в этот день.

– Ну и денек у тебя выдался. – Стив целует ее в макушку. – Что тебе налить?

Сейчас Анне бы очень хотелось большой бокал красного вина, но она говорит:

– Чашку чаю, – хотя чаю уже напилась сегодня.

– Это точно?

Она кивает.

– Если начну сейчас пить, то не остановлюсь.

Это неправда, и она знает это, но если он тоже будет пить с ней, то ему будет не так легко, как ей, ограничиться всего лишь парой бокалов.

– Ладно. Один чай. Теперь садись, вот так.

Анна с облегчением садится за кухонный стол, и Стив, не спрашивая, массирует ей плечи. Он инстинктивно понимает, где нужно снять напряжение, и нежными движениями разогревает мышцы. Анна вертит головой, расслабляясь.

– Как хорошо!

Он находит узел мышц у нее на шее за затылком и усиливает давление большими пальцами.

– Да, именно здесь... Спасибо...

Она откидывается назад и целует его, куда попало – губы скользят по его рубашке, и Анна чувствует сквозь ткань мышцы у него на груди. Она чуть не возбудилась, но не совсем – слишком напереживалась от всего случившегося.

– Ну, рассказывай, – говорит Стив.

Анна снова вздыхает:

– Боже, это совершенно ужасно.

И, словно движения его рук выкачивают из нее весь негатив, из нее льется одним долгим потоком – поезд, такси, звонок Карен, больница, тело Саймона, дети.

Когда она заканчивает, Стив спрашивает:

– С Карен кто-то остался, когда ты ушла?

– Да, почти сразу приехала мама Саймона, и его брат Алан уже ехал прямо с работы. Он ушел пораньше, так что уже должен быть у нее. Помнишь его?

Стив кивает:

– Конечно. Хороший парень. Да, наверное, это было что-то.

– Они хотят выбрать для Саймона одежду, в которой его будут хоронить. Это будет занятие. – Анна вздрагивает. – Но, по крайней мере, Филлис, насколько я поняла, останется на ночь.

– Хорошая мысль. Не думаю, что Карен следует оставлять ночью одну. – Он прекращает массаж и возвращается к плите – помешать спагетти.

Сковорода стоит на медленном огне, и Анне слышно побулькивание. Потом Стив подходит к столу, со скрипом отодвигает стул и садится. Теперь его черед вздохнуть.

– Черт, бедная Карен. – Он трет глаза и проводит руками по волосам. – Боже мой! Наверное, теперь она не сможет себе позволить новый дом.

Анна кивает: он озвучил то, что они с Карен еще не обсуждали, – деньги.

Стив продолжает:

– У Саймона была застрахована жизнь?

– Думаю, да. Саймон думал об этом.

– Ты хочешь сказать: в отличие от меня, – смеется Стив, но в его голосе слышны горькие нотки. Он остро чувствует, что недостаточно зарабатывает.

– Да, в отличие от тебя, – соглашается Анна, но в ее тоне нет упрека, а только нежность. Сейчас она так рада, что Стив рядом, полон жизни и энергии, что у нее нет желания подшучивать над чем бы то ни было.

Ощущение жизненной энергии Стива вдруг возвращает ее в больницу. Она никогда не забудет вида Саймона. Раньше она никогда не видела мертвого тела и не знает, чего ожидала, но что-то было не так. При жизни Саймон был даже больше Стива – просто танк, а не человек, – но сегодня он показался ей совсем небольшим, такой серый, неподвижный.

Она наклоняется ближе к Стиву и берет в руки его ладонь. И снова ее поражает контраст – вот она держит руку своего мужчины так же, как раньше Карен держала руку Саймона. И вот рука Стива, наполненная теплой кровью, с пульсирующими венами, твердыми костями и упругими сухожилиями, с подстриженными ногтями и загрубевшей от физической работы кожей. Она сжимает ее, сжимает крепко. В это короткое мгновение у нее такое чувство, будто только эта рука удерживает ее, чтобы не смело прочь.

* * *

– Еще раз, мамочка, еще раз!

Карен закрывает книжку с картинками и откладывает ее в сторону.

– Два раза достаточно, Молли.

– И мама сегодня очень устала, – говорит мать Саймона Филлис.

Это не то слово: Карен изнемогла почти до оцепенения, но сон тут не поможет.

Пришел и ушел Алан, взяв с собой одежду Саймона, чтобы отдать в похоронное бюро. Она с трудом видела предметы и не могла выбрать одежду для мужа, но постаралась, и с помощью Филлис и Алана она отобрала темно-серый рабочий костюм, белую рубашку и любимый шелковый галстук Саймона.

Теперь Карен и Филлис укладывают Молли и Люка спать. Вместе им удалось покормить их – проще всего оказалось приготовить рыбные палочки и печеные бобы, – искупать, одеть в пижамы и без особых протестов отправить наверх, в их спальню. Карен была благодарна свекрови за помощь и поддержку; она боялась, что одна она бы просто сидела в комнате, обхватив детей, и все втроем они бы проплакали всю ночь. Но в течение последнего часа взрослые отвлекли Молли и Люка и вернули их в нормальное состояние. Тем не менее Карен понимает, что Филлис тоже страшно потрясена. Потерять сына ужасно в любых обстоятельствах, а потерять его на склоне собственной жизни и так внезапно – это удар, которого можно не перенести.

Ее мысли прерывает Люк:

– А где Синий крокодил?

Синий крокодил – их любимая игрушка, потрепанная, кое-где с дырками и торчащей из швов набивкой. Нелепо для крокодила; но он пушистый, хотя мех уже сваялся от долгих ласк. В последнее время Люк меньше им интересуется, но по-прежнему просит дать его, когда нужно утешение.

– Вот он, – говорит Карен, кладя игрушку в изножье кровати. Люк хватается крокодила и крепко прижимает к себе. – Тебя укрыть одеялом?

Люк упрямо мотает головой:

– Я хочу, чтобы меня укрыл папа, когда придет.

Филлис и Карен переглядываются. Он не понял?

Карен думает, что понял. Но, может быть, это для него слишком тяжело, выше его понимания. Кроме того, в обычных обстоятельствах, конечно, именно так бы и было: когда Саймон приходил домой после работы, он торопился наверх, перешагивая через две ступеньки, чтобы успеть пожелать детям спокойной ночи.

– Нет, мой маленький, ты помнишь, что я вам говорила? Боюсь, сегодня папа не придет.

– Да? А завтра?

– Нет, мне очень жаль. – Карен не хочет, чтобы он снова плакал – это расстраивает и ее. И она меняет линию поведения. В настоящий момент она может предложить лишь себя и потому говорит: – Но, может быть, я просто посижу с тобой, пока ты не уснешь? Мы можем выключить свет, но я буду здесь, на стуле, пока вы оба не уснете.

– Хорошо, – соглашается Люк.

– Я, пожалуй, пойду вниз, – говорит Филлис, вставая.

– Я скоро подойду.

– Спешить некуда. – Филлис гасит свет. – Оставить дверь приоткрытой?

– Пошире, – просит Молли. Они оба любят видеть, что за дверью нет ничего страшного.

Слышно, как Филлис мягко ступает по покрытым ковром ступеням. Карен протягивает руку, чтобы убрать золотистые локоны с личика Молли, и устраивается в деревянном кресле. Это не очень удобно, но ничего. Что ей сейчас надо – это побыть с детьми, когда они засыпают.

Потом, когда они уже дремлют, она обнаруживает, что не может встать с кресла. Она сидит несколько часов в полумраке, только чтобы слышать, как они дышат – живые.

* * *

Уже почти полночь. Свет выключен, окна зашторены, будильник заведен. Анна уютно устроилась под пуховым одеялом, ощущая, как тело Стива изогнулось вокруг нее. Обычно она любит это, такая поза дает ей чувство свободы, уверенности в сочетании с безопасностью от его поддержки. Стив засыпает мгновенно, но у нее в голове сегодня крутятся разные мысли.

Впервые у нее есть возможность подумать о собственных отношениях с Саймоном, насколько ей будет не хватать его. После стольких лет она полюбила его, платонически, но глубоко. Он был корнем в жизни Анны, кем-то, на кого можно опереться. Он поддерживал Карен, а Карен поддерживала Анну. И не только это. Ей будет не хватать его юмора, его доброты, ума, великодушия. Даже когда она бывала у них и они болтали с Карен лишь вдвоем за кофе на кухне, было какое-то ощущение, что он где-то здесь – смотрит телевизор, играет с детьми, что-то мастерит... Он просто есть. Даже если он был на работе, Анна чувствовала его присутствие. Он придавал каждому моменту, который она проводила с подругой, что-то непередаваемое, что-то дополнительное. Не просто безопасность, но чувство реальности, основательности, полной человечности. Она уважала Саймона, у него были принципы, правила. Он был ландшафтным архитектором и часто имел дело с муниципалитетами или работал над большими жилищными проектами. Он отказывался иметь дело с некоторыми людьми, если чувствовал, что их политические или эстетические взгляды расходятся с его собственными. Саймон был нравственным мериллом, по которому она во многих отношениях оценивала собственную жизнь.

И все это значит, что жить без него будет страшнее, не будет той определенности. Анна чувствует себя, как палатка с недостающими растяжками на ветру, уязвимая, и ее треплет, как будто сейчас сорвет с места. И хотя она понимает, что это лишь малая толика того, что должна чувствовать Карен, тем не менее это ужасно. «Почему Саймон? – думает она, для успокоения поплотнее устраиваясь в С-образном изгибе тела Стива. – Почему Карен? Почему теперь?» Она знает, что смерть Саймона должна быть частью какой-то композиции, выстроенной судьбой, что у всего случившегося есть своя причина, бла-бла-бла...

но она просто не понимает этого. Карен и Саймон – такие хорошие люди, такие добрые и любящие. Насколько ей известно, они никому не причинили вреда и не заслужили такого наказания, это так несправедливо.

И вдруг она слышит голос матери из прошлого, когда несколько десятилетий назад она сама была еще маленькой; мама объясняла ей: «Но ведь мир, милая моя, несправедлив». Тогда этими словами оправдывалось, что другие дети имеют больше, чем Анна: гости получали больше пудинга, у друзей были лучше игрушки, одноклассникам давали больше карманных денег. Конечно, простая философия, но, похоже, только она и делает понятным все случившееся.

* * *

У себя дома, в нескольких кварталах от дома Анны, Карен одна с открытыми глазами лежит на спине, глядя сквозь темноту в потолок. За двадцать лет они с Саймоном провели очень мало ночей отдельно друг от друга; она так и не может хотя бы отдаленно осознать, как изменилась ее жизнь по сравнению с той, что была двадцать четыре часа назад. Широкая кровать пуста: Саймона нет. Обычно Карен засыпает легко и спит крепко. Несколько секунд, и она через восемь часов уже просыпается. Она не встает, чтобы сходить в туалет или за чем-либо еще. Только если кто-то из детей плачет, она ворочается, и даже тогда обычно Саймон просыпается раньше, так что обычно это он устраняет проблему. Но сегодня ночью его нет, и Карен не может спать и знает, что не уснет. Она не может плакать, не может двинуться. Все, что она может, – это просто существовать. И ждать утра.

Она все еще лежит, когда через два часа слышится топот маленьких ножек за дверью, звук поворачивающейся ручки, и в комнату просачивается полоска света, в середине которой стоит знакомый силуэт.

Люк. Он волочит за собой Синего крокодила.

– Не спится, малыш?

– Да.

– Мне тоже. Хочешь пообниматься?

Люк кивает, и она поднимает простыню гигантским треугольником, чтобы дать ему место.

Он сворачивается калачиком рядом с ней, и она ласково гладит его по затылку и шее, где волосы касаются воротника пижамки. Через несколько минут он начинает посапывать и засыпает.

Она какое-то время лежит, потом вспоминает: Молли. Если Молли проснется и увидит, что Люка нет, то может испугаться.

Как можно тише, чтобы не потревожить Люка, Карен поднимает простыню со своей стороны кровати и на цыпочках выходит за дверь. Молли посапывает в своей кроватке, простыня сброшена, одеяло и хлопчатобумажная ночная рубашка комом сбились у колен. Карен наклоняется над кроваткой, осторожно выпутывает Молли из постельной путаницы и берет на руки.

Молли тихо сопит, и Карен уносит ее. Потом кладет к себе на кровать, осторожно ложится между детьми и накрывает всех одеялом.

Вдруг Молли спрашивает:

– Где папа?

– Папы нет, милая, – говорит Карен.

Но Молли в полусне; она снова шмыгает носом и быстро засыпает снова.

Потом, тихо-тихо, Карен говорит:

– Папа умер.

Это скорее напоминание себе.

* * *

Менее чем в двух милях от дома Карен в своей квартире, на мансарде, Лу спит на матрасе. Ей снится сон, и такой отчетливый, что кажется реальностью. Ей нужно успеть на поезд. Она страшно спешит – он вот-вот отойдет, – но на пути толпы и толпы людей. Некоторые поворачиваются к ней и со злобным видом преграждают путь, толкают в сторону, прочь от поезда. Другие поворачиваются спиной и тащат большие чемоданы или катят коляски и велосипеды. Они двигаются так медленно, не обращая внимания на Лу. Ей куда-то очень нужно, это действительно важно, но она боится не успеть. И хотя не знает, куда ей нужно и зачем, ей ясно, что решается вопрос жизни и смерти.

Она дергается и просыпается, обливаясь потом, хватая воздух разинутым ртом. В панике она ничего не понимает, но тут видит знакомое окошко за шторой и успокаивается.

Она здесь, дома, а вовсе не на вокзале.

Потом на нее накатывают воспоминания о прошедшем дне, и она молча роняет слезы, сочувствуя незнакомой женщине и той, с которой ненадолго встретилась, пока на подушке у щеки не образуется мокрое, холодное, соленое пятно.

Вторник

5 ч. 34 мин

На улице еще темно, но Карен слышит далекий шум поезда, и это значит, что уже утро. Тепло Молли и Люка ночью утешало, но ничто не может успокоить смятение чувств. Она снова и снова вспоминает вчерашние события, мысли путаются, как белье в стиральной машине.

Слова Саймона:

– У меня небольшое несварение, – когда они под дождем спешили на вокзал.

Ее слова:

– Тогда возьмем кофе. – и взгляд на часы. – У нас еще есть время.

– Кофе?

– Кофе с молоком может помочь, – убеждала она, но лишь потому, что самой хотелось выпить чего-то горячего. Потом, когда они вошли в здание вокзала, ее приказ: – Я пойду куплю кофе, а ты возьми мне билет.

Она оставила его в очереди, а сама пошла к стойке буфета. А что, если бы она не сделала этого? Что, если бы осталась с ним? Сказал бы он ей, что ему не просто нехорошо, а случилось что-то более серьезное? Тогда они могли бы посидеть на кружке скамеек за книжным магазином, подождали бы несколько минут, может быть, решили бы ехать следующим поездом. А если бы во время сердечного приступа были на вокзале – совсем недалеко от больницы, – все могло бы сложиться совсем по-другому...

Но когда Саймон подошел к ней, Карен сказала:

– Тебе, наверное, нужно поесть. – и буфетчик налил ей капучино с шоколадом.

– Что-то мне не хочется, – ответил он, глядя на выпечку на витрине.

Она тогда удивилась: Саймон редко отказывался поесть. Так почему она не пристала к нему, не спросила, как он себя чувствует?

Вместо этого она настояла:

– Я куплю круассан. – и он согласился.

А что, если причиной был кофе? От него учащается сердцебиение. Карен представляет, как кипящая вода просачивается в темные гранулы чистого эспresso в картонном стаканчике. Это кажется теперь таким зловещим. И это ей, а не ему хотелось кофеина. Карен знала, что без нее ежедневный ритуал Саймона состоял из чтения газеты, очередь в буфет в его привычки не входила. В поезде он покупал чашку чая у девушки с тележкой, когда та проходила по

вагону. И если причина в кофе, то, конечно, это ее вина...

А что было, когда Саймон упал? Наступили самые критические секунды до того, как прибыла помощь, когда она могла бы – должна была – попытаться оживить его. Что она сделала? Это было совсем на нее не похоже. Ладно, она не знала, как правильно делать искусственное дыхание, но имела какое-то представление. И все же даже не попыталась...

Тогда, в поезде, они разговаривали в последний раз. Их разговор был невероятно банальным – только о ней. Она жаловалась на свою работу, пеняла, что ее начальник переставил ее стол, не спросив ее, и она теперь сидит не у окна. Она работала неполный рабочий день в местном совете, и ей не очень нравилась эта работа, она стала подыскивать что-нибудь другое, изучала «Аргус»^{[11} - «Аргус» – брайтонская газета, где есть раздел поиска работы.]. Разве важно было, где стоит ее стол? Но она тогда так взъелась, будто это что-то значило...

Она так и не попрощалась, даже не сказала мужу, что все время любила его, – даже не помнит, когда последний раз говорила ему об этом. При случае писала ему записочку на рождественском подарке: «С любовью от Карен». Пока не появились дети, она часто говорила, что любит. И она не стала любить его меньше, когда родился Люк, – даже полюбила больше, – так почему не говорила об этом? Это заняло бы одно мгновение – сказать ему в то утро о своей любви.

Если бы. Если бы. Если бы. Саймон умер, и Карен лежит здесь одна.

Красные светодиоды на часах у кровати показывают 06:01. Странно, что все часы в мире продолжают идти, хотя ее мир как будто остановился. И все же она замечает, как через щелку в шторах начинает просачиваться свет, кричат чайки, а внизу слышно какое-то копошение. Это Тоби. хотя Люку это не нравится, но котенок спит на кухне, и скоро он захочет позавтракать, как и дети.

Она могла бы лежать здесь вечно, но нужно вставать. Тогда она сможет начать что-то делать. Нужно кое о чем позаботиться, сообщить кое-кому о случившемся, нужно принять решение насчет покупки дома. И самое главное – этим утром будет вскрытие. В больнице делают это как нечто само собой разумеющееся, чтобы официально установить причину смерти. Карен не знает, что толку в этом, а мысль о том, что ее любимого Саймона разрежут...

Эта мысль просто невыносима.

Потом, конечно, нужно организовать похороны.

Эта последняя мысль будоражит ее: пока не передумала, Карен выбирается из-под простыней и переносит ноги через Молли, которая свернулась калачиком на краю постели.

Встав, Карен машинально хочет снять с двери халат. Но для этого нужно сначала снять халат Саймона. Он темно-синий, махровый, длиной ниже колена, и хотя ему уже несколько лет, по-прежнему выглядит роскошно; она не может удержаться и прижимает его к себе, вдыхает запах...

Конечно, он пропитался запахом мужа: сочетание дезодоранта, крема после бритья и собственного природного запаха Саймона. Неповторимого, как он сам... Один из ее любимых запахов в мире. И она все еще не может поверить, что он больше не будет так пахнуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/sara-rayner/odin-moment-odno-utro/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Железнодорожный вокзал в Лондоне. (Прим. ред.)

2

«Скорая помощь» – американский телесериал, первая серия которого была показана в 1994 г. В главных ролях – Энтони Эдвардс, Джордж Клуни, Шерри Стрингфилд и др. (Прим. ред.)

3

Чтобы понять, о каких канавках идет речь, можно посмотреть иллюстрацию такого предупреждения на английской станции здесь:

<http://www.georgefwhite.co.uk/phpmedia/news/lrg/ba3dbd66ba183de599109658ffa8f528.jpg>

(Здесь и далее, за исключением специально оговоренных случаев, примечания переводчика.)

4

Норман Роквелл (англ. Norman Rockwell) – американский художник, известный изображениями американского быта.

5

Даунс (Downs) – холмы в Юго-Восточной Англии.

6

Английское Регентство, или просто Регентство, – наименование периода в истории Англии с 1811 по 1820 г. В течение этого времени принц-регент, в будущем король Георг IV, правил государством по причине недееспособности своего отца Георга III. (Прим. ред.)

7

Магазин игрушек в Лондоне. (Прим. ред.)

8

Болезнь Крона – хроническое воспалительное заболевание, поражающее весь желудочно-кишечный тракт: от полости рта до анального отверстия. (Прим. ред.).

9

Стиль поздней английской готики, эпохи правления английской королевской династии Тюдоров в 1485–1604 гг. Особенности стиля сочетают в себе одновременно черты готики, фламандского и итальянского ренессанса. (Прим.

ред.)

10

«Улица коронации» – британский телесериал, созданный Тони Уорреном и стартовавший 9 декабря 1960 г. В главных ролях – Хелен Ворф, Уильям Роуч, Энн Киркбайд.

11

«Аргус» – брайтонская газета, где есть раздел поиска работы.

Купить: <https://telnovel.com/ru/sara-rayner/odin-moment-odno-utro-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)